

М.Ю. МЯГКОВ

БИТВА ПОД МОСКВОЙ: ОТ ОБОРОНЫ К КОНТРНАСТУПЛЕНИЮ

Битва под Москвой – одно из ключевых событий Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Наша столица много раз становилась жертвой вражеского нашествия, но никогда судьба всей страны не зависела так остро от удержания города, как в 1941 г. Несмотря на то, что по плану “Барбаросса” немецкие войска должны были в первую очередь овладеть Ленинградом и лишь затем наступать на Москву, решающие сражения развернулись именно здесь – вдоль кратчайшего пути от Бреста до советской столицы. Германское командование отводило захвату города особое значение; оно предполагало, что с достижением этой цели война будет выиграна¹.

Историография Московской битвы насчитывает тысячи больших и малых трудов, основная масса которых выходила с начала 1960-х годов. В новых работах отечественных и зарубежных исследователей² поднимаются некоторые ранее недостаточно изученные вопросы, касающиеся масштабов битвы, ее цены, хронологии, итогов, особенностей принятия стратегических решений советским и немецким командованием, равно как и подвигу самих москвичей³. Дискуссии по этим и другим проблемам вызывают интерес не только в России, но и за рубежом, недаром в последнее время появляются книги иностранных авторов, посвященные операциям на московском направлении, состоянию советских вооруженных сил и общества, значимости перехода Красной Армии в контрнаступление зимой 1941 г.⁴

Открытие новых архивных документов побуждает исследователей вновь и вновь обращаться к событиям Великой Отечественной войны, и, конечно, битва под Москвой будет оставаться в центре внимания научной общественности. Задача автора статьи – попытаться на основе документальных материалов, в том числе и новых, расширить наши представления о боевых действиях в 1941 г. на советско-германском фронте, результатом которых стала первая значимая победа Красной Армии в ходе войны.

Мяков Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. Под ред. О.А. Ржешевского. М., 1990, с. 9.

² *Невзоров Б.И.* Московская битва: феномен второй мировой. М., 2001; *Мяков М.Ю.* Вермахт у ворот Москвы. М., 2005; *Горинов М.М.* Москва. Война. Победа. 1941–1945 гг. М., 2008.

³ Так, по мнению Б.И. Невзорова, начало битвы за Москву можно связывать с директивой Ставки ГК № 0038 от 27 июня 1941 г., где среди прочего говорилось о необходимости “не допустить прорыва противника в направлении на Москву”, а окончанием – конец марта 1943 г., когда Красная Армия ликвидировала Ржевский выступ, нацеленный на советскую столицу (*Невзоров Б.И.* Битва за Москву: размышления о ее масштабах и значении. – Памятные страницы истории. М., 2009. С. 114–118). Большинство историков, в том числе и автор статьи, эту точку зрения не разделяет.

⁴ *Брейтвйт Р.* Москва 1941. Город и его люди на войне. М., 2006; *Нагорский Э.* 1941. Великая битва под Москвой. Поворотный пункт Второй мировой войны. М., 2009.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Война с Россией, несмотря на впечатляющие первоначальные успехи вермахта, развивалась для Гитлера по другому сценарию, чем с Польшей и западноевропейскими странами. Германии, несмотря на то, что летом и осенью 1941 г. она продолжала удерживать стратегическую инициативу, не удалось получить полную свободу действий в наступлении. Спротивление Красной Армии заставляло германское командование выбирать между приоритетами кампании и действиями, которые требовались для ликвидации угроз немецким частям. Генеральный штаб сухопутных войск оказался в непрестом положении. До войны предполагалось, что темп наступления в глубь территории СССР всех трех групп армий (ГА) будет примерно одинаковым, а при задержке немецкого продвижения к Ленинграду (навстречу финнам), ГА “Центр” поможет ГА “Север”. Но эта помощь оказалась недостаточной. Более того, на различных направлениях наступление велось разными темпами. Первая цель наступления, Ленинград, – держался; Киев – пал только после длительного сопротивления и в результате переброски на южное направление 2-й танковой группы (ТГр) генерал-полковника Г. Гудериана. ГА “Центр” постоянно подвергалась контрударам советских войск. Нерешенность основной стратегической задачи кампании – уничтожение сил РККА в приграничных сражениях и быстрый выход к ключевым промышленным и политическим центрам Советского Союза (несмотря на захват многих европейских районов СССР) – вынуждала вражеское командование спешно искать выход из намечившегося стратегического тупика.

Перед войсками фон Бока стояли *обороняющиеся и постоянно контратакующие* советские соединения. Уже в конце августа командованию группы армий “Центр” стало ясно, что никакого преследования противника на главном направлении и разгрома его войск по частям не предвидится, необходимо проводить перегруппировку сил.

Первая причина приостановки немецкого наступления на Москву – советское сопротивление под Смоленском; вторая (но не менее важная) – сопротивление на других участках фронта. Именно упорная оборона Красной Армии на флангах советско-германского фронта отвлекла силы вермахта, предназначенные для удара по столице. Переброски 2-й ТГр и 2-й армии на юг были вынужденными и чрезвычайными мерами. Приостановка операций вермахта против сил Красной Армии, прикрывавших столицу, создавала для командования вермахта (ОКВ) и сухопутных сил (ОКХ) проблему нехватки времени, грозила затяжной войной, к которой Германия не была готова.

Однако это не означало, что опасность, нависшая над Советским Союзом, уменьшилась. Напротив, германская армия, захватив Киев, войдя в Крым и Донбасс, блокировав Ленинград, готовилась окончательно сокрушить советский военный потенциал и осуществить еще в 1941 г. завершающее всю “восточную кампанию” наступление на Москву.

Гитлер также считал, что после уничтожения советских войск на Украине появятся хорошие шансы для скорейшей организации наступления на главном – московском направлении. С этой же целью откладывались продвижение 3-й ТГр ГА “Центр” к Валдайской возвышенности, тем более, что ее части находились под непрерывным давлением советских войск. Пехотные соединения 9-й армии сменяли на позициях части 3-й ТГр, которые, в свою очередь, получали пополнение. Как отмечалось в отчете о боевых действиях 3-й ТГр за 12 июля – 10 августа 1941 г., большие потери, физическая нагрузка на войска, ожесточенное сопротивление неприятеля вели к необходимости пополнить войска и дать им отдых, что командование и сделало. Тем не менее немецкие генералы продолжали надеяться, что завершение сражения у Смоленска создаст условия, когда им “не придется считаться с каким-либо серьезным сопротивлением противника и сплошной крепкой обороной на пути наступления до самой Москвы”⁵.

⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ), ф. 500, оп. 12462, д. 231, л. 32–41.

Согласно директиве Гитлера от 21 августа 1941 г. подготовка операций ГА “Центр” в направлении советской столицы откладывалась. Командование сухопутных войск, группы армий “Центр”, некоторые командующие германскими объединениями были против такого приказа и пытались убедить Гитлера отменить его. Начальник генштаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер решил использовать для того одного из генералов “с фронта”. Отправляясь в 20-х числах августа в ставку Гитлера, он взял с собой г. Гудериана. Однако Гитлер успокоил командующего 2-й ТГр: планы, намеченные в новой директиве, не отменяют удара по Москве⁶.

Германское верховное командование понимало, что Советский Союз в период возможного зимнего затишья 1941/42 г. способен значительно усилить свою мощь, восстановить производство на эвакуированных предприятиях, мобилизовать дополнительные силы в Красную Армию. Поэтому на рубеже августа – сентября 1941 г. сам Гитлер, ОКВ и ОКХ решили организовать завершающий штурм советской столицы еще до начала холодов.

Уже 27 августа 1941 г. состоялись переговоры между начальником генштаба ОКХ и штабом группы фон Бока. Гальдер разъяснил, что теперь “на южном крыле центрального фронта решающее значение имеет введение 2-й армии и танковой группы Гудериана... 2-я армия должна помочь 6-й армии преодолеть Десну в направлении с запада на восток, чем был бы разрешен весь вопрос Днепра и только *этим могло быть создано основание для всех дальнейших операций центрального фронта на восток*” (курсив наш)⁷.

Первое конкретное упоминание о решении Гитлера активизировать подготовку к операции против войск РККА, прикрывавших Москву, мы находим в “Военном дневнике” Гальдера, где под 30 августа 1941 г. он сообщает, что на совещании с командующим сухопутными войсками Гитлер сделал “только одно деловое указание, а именно что части [из состава ГА “Центр”], находящиеся на фронте у реки Десна, никак не предназначаются для проведения операций на юге, а наоборот, должны как можно скорее быть привлечены для операции против Тимошенко”⁸.

Почти сразу же последовала реакция фон Бока. В телеграмме, посланной 31 августа 1941 г. во 2-ю ТГр говорилось: “Наступление танковой группы глубоко на юг или юго-восток не предполагается”⁹. Командование ГА “Центр” рассчитывало, что ему удастся привлечь группу Гудериана к предстоящему наступлению на Москву как можно скорее.

6 сентября 1941 г. последовала директива ОКВ № 35: германское верховное командование наметало в ближайшее время провести последовательно две крупные операции. Первая – уничтожение советских войск под Киевом силами ГА “Центр” и “Юг”, и вторая – после устранения угрозы южному флангу ГА “Центр” – решительное наступление войск фон Бока на Москву. Именно с момента выхода этой директивы началась непосредственная подготовка германской операции по захвату советской столицы. Намеченный в документе общий план наступления на Москву в сентябре был доработан, а затем оформлен в виде приказов группы армий “Центр”, в которых детально излагались задачи каждого объединения.

В преамбуле директивы № 35 Гитлер пояснил мотивы своего нового решения о наступлении на Москву: «Начальные успехи против сил противника, находящихся между внутренними флангами групп армий “Центр” и “Север”, с точки зрения окружения Ленинграда, создает предпосылки для проведения решающих операций против ведущей наступления группы армий Тимошенко. Она должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и сухопутной армии, без которых можно обойтись на флангах».

⁶ Clark A. “Barbarossa”. The Russia-German Conflict 1941–1945. London, 1965, p. 111–112.

⁷ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12454, д. 115, л. 122.

⁸ Военно-исторический журнал, 1961, № 11, с. 73.

⁹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 72, л. 139.

Таким образом, Гитлер косвенно констатировал, что оборона Ленинграда – города, в который германские войска должны были войти раньше чем в Москву, – оказалась ему не по зубам. Не произошло и быстрого соединения вермахта с финской армией. Так или иначе, Гитлер был вынужден смириться с незавершенностью операций в полосе ГА “Север” и довольствоваться тем, что вопрос об угрозе северному флангу группы фон Бока сделался на время менее острым. Продвижение в направлении Тихвина и далее навстречу финнам планировалось начать лишь в октябре.

Незадействованные в операциях на южном фланге войска ГА “Центр” должны были готовиться к проведению в конце сентября решительного наступления в направлении на Москву.

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА МОСКВУ

Основная идея разгрома соединений Красной Армии на западном направлении заключалась в следующем: создать на флангах ГА “Центр” “сильные танковые части, и, в результате двойного охвата в направлении города Вязьма, уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска”. Для удара моторизованных сил намечались два направления: “Первое – на южном фланге, предположительно в районе юго-восточнее Рославля [4-я армия] с нанесением удара на северо-восток” – туда перебрасывались свежие 5-я и 2-я танковые дивизии (тд); и “второе – в районе 9-й армии с нанесением удара через Белый” – в этот район должны были быть подтянуты значительные силы из ГА “Север”. Указывалось, что «только после того, как основная часть сил группы Тимошенко, в результате этой операции будет уничтожена, группе армий “Центр”, примыкая справа к р. Ока и слева к верховьям Волги, начать преследование противника в направлении на Москву».

Германским ВВС ставилась задача поддержать наступление “особенно на северо-восточном направлении”. Основные силы 2-го воздушного флота (ВФ) также должны были действовать на флангах.

Второй этап наступления (преследование противника до Москвы) намечалось обеспечить: с южного фланга – продвижением “высвобождающихся моторизованных частей” с фронта ГА “Юг” в северо-восточном направлении, а с северного – наступлением ГА “Север” по обе стороны оз. Ильмень и навстречу финской “Карельской армии”. Гитлер особо подчеркнул необходимость сокращения сроков подготовки и проведения операций¹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что фон Браухич, в отличие от фон Бока, поддерживал тех генералов, по мнению которых слишком глубокий охват противника чреват тем, что наступление может не достигнуть своей цели. Глубина охватывающих ударов до города Вязьма является максимально возможной из-за угрозы прорыва и отсечения советскими войсками передовых германских частей¹¹. Однако Боку было обещано, что для его руководства войсками непосредственно в ходе наступления “все двери будут оставлены открытыми”¹². Отказ германского командования от более глубоко охвата противника – стало одной из особенностей подготовки новой операции.

Северная немецкая группировка сосредотачивалась в районе Духовщины, а южная – под Рославлем. Немецкая разведка знала, в каких именно местах передняя линия эшелонированной советской обороны имеет наибольшую, а в каких наименьшую плотность. Еще 12 сентября фон Браухич отметил, что направление восточнее Рославля и восточнее Велижа являются наиболее уязвимыми участками советского фронта. Немецкие генералы планировали нанести удары по слабым участкам советского фрон-

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 7, л. 38–41.

¹¹ Там же, д. 231, л. 41–63.

¹² *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 г. М., 1980, с. 65.

та, что позволяло на начальном этапе сражений избежать крупных потерь. 19 сентября предстоящая операция получила кодовое наименование “Тайфун”.

К середине сентября 1941 г. немецкому командованию стало ясно, что бои на Украине возможно будет завершить до конца месяца. Следовательно, появилась возможность задействовать в предстоящем наступлении в полную силу моторизованные и танковые соединения 2-й ТГр. С другой стороны, окончательно решился вопрос использования на фронте ГА “Центр” крупных сил из ГА “Север”. 15 сентября Гитлер отдал приказ о переброске 4-й ТГр на центральное направление для участия в наступлении на Москву.

Максимальные силы и средства сосредотачивались против “группировки Тимошенко”. Из района Ленинграда перебрасывались соединения 4-й ТГр. Из состава ГА “Юг” фон Бок получал 2 танковые, 2 пехотные и 2 моторизованные дивизии. Из резерва главного командования группе армий были переданы 2-я и 5-я тд из Германии, которые должны были войти в состав 4-й ТГр¹³. 19 сентября началась переброска в район действия ГА “Центр” 27-го армейского корпуса (ак) из Франции¹⁴. Для операции предназначались силы 22 немецких корпусов.

К началу операции общая численность ГА “Центр” достигла 1 929 406 чел. Она имела свыше 14 тыс. орудий и минометов, около 1390 самолетов. В общей сложности к наступлению готовилось 78 дивизий (включая 14 танковых и 8 моторизованных). Авиационное обеспечение осуществлял 2-й ВФ генерал-фельдмаршала А. Кессельринга в составе двух авиакорпусов и одного зенитного корпуса¹⁵. Никогда немцы не использовали столь больших сил в составе одной группы армий и не развертывали на одном стратегическом направлении три танковых объединения из четырех. Противостоящая группировка Красной Армии значительно уступали войскам ГА “Центр”. В состав советских соединений на московском направлении входило: 1250 тыс. чел., 7600 орудий и минометов, 990 танков, 667 самолетов¹⁶.

Судя по уточненным данным, можно говорить о примерном равенстве авиации сторон на 1 октября 1941 г. Во фронтовой авиации имелось тогда 568 самолетов (389 исправных), а в 6-м истребительном корпусе ПВО полковника И.Д. Климова, прикрывавшем саму Москву – 432 (343 исправных). Через несколько дней после начала битвы Ставка привлекла к ударам по немецким войскам пять дивизий дальней бомбардировочной авиации¹⁷. Но ГА “Центр” значительно превосходила по танкам силы Западного, Резервного и Брянского фронтов, прикрывавших московское направление (1700 танков у ГА “Центр” и 990 танков у советских фронтов).

24 сентября в штаб-квартире фон Бока состоялось оперативное совещание всех командующих немецкими полевыми армиями и танковыми группами с участием главнокомандующего сухопутными войсками фон Браухича и начальника генштаба ОКХ Ф. Гальдера. На следующий день по итогам совещания были даны следующие указания: день “Д” (начало операции ГА “Центр”) для 2-й ТГр – 30 сентября; для всех остальных соединений – 2 октября¹⁸. Гудериан настоял на том, чтобы его группа выступила раньше ввиду отсутствия на его направлении дорог с твердым покрытием. Он желал также максимально использовать хорошие погодные условия для броска в район Орла и Брянска.

26 сентября 1941 г. фон Бок подписал приказ № 1620/41 о наступлении. В его первом абзаце говорилось: “После трудного времени ожидания группа армий возобновляет наступление”. Отмечалось, что соседние группы армий “Север” и “Юг”, свои-

¹³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, т. 3. М., 1976, с. 22.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 114, л. 23–26.

¹⁵ Рейнгардт К. Указ. соч., с. 72.

¹⁶ См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки, кн. 1. М., 1998, с. 165–166.

¹⁷ Хазанов Д.Б. Неизвестная битва в небе Москвы 1941–1942 гг. М., 1999, с. 31.

¹⁸ Битва за столицу. Сборник документов. М., 1994, т. 1, с. 15–16.

ми наступательными действиями в восточном направлении будут прикрывать главные удары на московском направлении. 2-му ВФ ставилась задача уничтожать советскую авиацию перед фронтом ГА “Центр” и поддерживать наступление всеми силами. В связи с этим, налеты на промышленные предприятия отходили пока на второй план¹⁹.

К началу операции “Тайфун” общая ситуация на советско-германском фронте оставалась крайне тяжелой для Красной Армии. Части на Украине оказались в критической ситуации. Большая часть войск была окружена, остальные отступали под нажимом противника.

В полосе самой ГА “Центр” немецкая разведка наблюдала сокращение наступательной активности советских Западного и Резервного фронтов. Отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ 15 сентября 1941 г. отметил в своей ежедневной сводке: захваченные на участке фронта ГА “Центр” “советские пленные офицеры говорят о переходе к обороне. Дальнейшие планы русского командования пока неясны”²⁰.

После частичной стабилизации фронта в сентябре 1941 г. соединения Западного, Резервного и Брянского фронтов пополнялись личным составом и техникой. Несмотря на тяжелейшие потери июля – начала августа 1941 г. войска Красной Армии, прикрывавшие путь на Москву, не только не утратили своей боеспособности, но и продолжали ее наращивать. Более того, Красная Армия продолжала наносить врагу большой урон. Только сухопутные войска вермахта с июня по ноябрь 1941 г. потеряли на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 750 тыс. чел.

Однако фон Браухич полагался на “умелое и опытное командование”, имея в виду штаб ГА “Центр” и лично фельдмаршала фон Бока, и надеялся, что тот способен в сжатые сроки добиться победы в сражении. В войска группы входили части таких опытных немецких генералов, как Г. Гот, Г. Гудериан, фельдмаршал Г.Х. фон Клюге, одержавших летом 1941 г. ряд больших побед над частями Красной Армии. Причем фон Бок наряду с Браухичем, Гальдером, Кессельрингом и другими немецкими военачальниками был активным сторонником удара на Москву²¹. В этом наступлении для него мало было простого признания заслуг и равной с другими генералами славы. Как отмечает А. Кларк, “для Бока было просто необходимо стать покорителем Москвы. Тогда бы он оказался поистине самым выдающимся среди германских фельдмаршалов, могильщиком большевизма и первым солдатом рейха. Его слава затмила бы авторитет самого Гинденбурга”²².

Руководство вермахта после разгрома советского Юго-Западного фронта под Киевом, посчитало, что способность СССР продолжать активные боевые действия практически сведена к нулю и что Красная Армия едва ли сможет создать сплошной фронт между Ладожским озером и Черным морем, а тем более его удержать²³. Уже после войны Ф. Гальдер признался известному английскому историку Б. Лиддел Гарту, что Гитлер после битвы под Киевом прямо заявил: “С Россией в военном отношении покончено”²⁴.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В СЕНТЯБРЕ 1941 г.

Каких-то особых задач на оборону московского направления перед Западным фронтом не ставилось вплоть до середины сентября. Более того, на некоторых участках наступательные действия советских войск продолжались до конца месяца, что

¹⁹ Там же, с. 16–17.

²⁰ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 16.

²¹ Митчем С., Мюллер Дж. Командиры “Третьего Рейха”. Смоленск, 1995, с. 64–73.

²² Clark A. Op. cit., p. 100.

²³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 111–112.

²⁴ Liddell Hart Centre for Military Archives. 9/24/107.

наносило ущерб укреплению оборонительных позиций. Недавно назначенному на должность командующего фронтом генерал-лейтенанту И.С. Коневу выделялись солидные резервы. В 35–40 км от его фронта строилась оборона Резервного фронта (командующий – маршал С.М. Будённый). Однако исчерпывающих данных о замысле и направлении ударов врага непосредственно на Москву советскому командованию получить так и не удалось. И.С. Конев предполагал, что немцы попытаются ударить по кратчайшему пути – вдоль смоленской дороги. Поэтому именно там строились основные укрепления. Так, Конев 26 сентября докладывал Сталину и Шапошникову: судя по данным допроса пленного летчика, “противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма – Москва”²⁵. Вероятность того, что противник прорвется севернее и южнее смоленской дороги, будет стремиться окружить основные силы Западного и Резервного фронтов, долгое время не рассматривалась.

Ставка ВГК считала свою группировку западнее Москвы достаточно мощной и даже рассчитывала в будущем развернуть новые операции против сил фон Бока. К сожалению, советское верховное командование, несмотря на многочисленные предупреждения о подготовке немецкого наступления на столицу, не сумело определить точное время его начала. Таким образом, Ставкой, командованием Западного, Резервного и Брянского фронтов были допущены непростительные просчеты при анализе ситуации на фронте. Реалистическая оценка советским военным руководством сложившейся обстановки в конце сентября 1941 г., решительные действия некоторых командующих на фронте, более тщательный анализ данных разведки, который позволил бы иначе распределить силы на московском направлении, могли бы предотвратить катастрофические последствия окружения советских войск под Вязьмой и Брянском. Лишь 1 октября Конев доложил Сталину о появлении немецких частей на флангах Западного фронта. Но было уже слишком поздно.

С другой стороны, само германское командование в конце сентября 1941 г. строило свои планы, игнорируя оставшийся людской, экономической и моральной потенциал советского народа. Гитлер и многие его генералы не принимали в расчет, что окончательный результат нового наступления может зависеть не только от наличных средств, действующих на фронте, но и от способности Красной Армии в кратчайшее время подготовить и перебросить против противника стратегические резервы.

Однако в тот период ситуация на фронте складывалась для Красной Армии крайне неблагоприятно. Обстановка на западном (московском) направлении зависела от положения в стране в целом, а оно оставалось критическим. Ввиду отхода советских частей германским войскам удалось захватить наиболее развитую в хозяйственном отношении территорию европейской части СССР с ее ресурсами. Чтобы обеспечить всем необходимым вооруженные силы, советскому народу приходилось максимально напрягать силы для налаживания массового производства боевой техники и вооружения в условиях, когда значительная часть предприятий эвакуировалась на восток.

Численное превосходство немецких войск, боевой опыт германских генералов, неожиданность начала операции и ошибки советского командования сыграли роковую роль для Красной Армии в начале немецкого наступления на Москву и привели к трагедии под Вязьмой и Брянском.

НАЧАЛО ОПЕРАЦИИ “ТАЙФУН”

Еще 30 сентября в наступление на брянском направлении, против сил генерал-лейтенанта А.И. Ерёменко, перешли соединения Гудериана. 2 октября шквал огня обрушился уже непосредственно на войска Западного и Резервного фронтов. Основные силы группы армий “Центр” были брошены против левого крыла Брянского фронта и флангов Западного и Резервного фронтов, оборонявших московское направление.

²⁵ Хазанов Д.Б. Указ. соч., с. 35.

Танковые части Гудериана нанесли удар по войскам левого крыла Брянского фронта. Стоявшие там части группы генерала А.Н. Ермакова оказались неподготовленными к такому развитию событий. Уже в первый день наступления 2-я ТГр вышла в тыл советской 13-й армии²⁶. Успех 2-й ТГр во многом предопределяла активность 2-го ВФ люфтваффе, который поддерживал танки Гудериана. Немцы задействовали здесь около 300 боевых машин²⁷. Германские самолеты буквально утюжили советские оборонительные позиции, расчищая путь для механизированных колонн вермахта.

В ночь на 2 октября 1941 г. солдатам Восточного фронта было зачитано обращение фюрера. В нем говорилось: “Теперь за считанные недели три наиболее крупных промышленных района России без остатка будут в руках немцев (Северо-Западный, Центральный, Донецко-Приднепровский промышленные районы. – М.М.)... Сегодня, наконец, создана предпосылка для последнего жестокого удара, который еще до начала зимы должен разгромить этого противника, нанести ему смертельный удар”²⁸.

К исходу дня 3-я ТГр Г. Гота прорвали советский фронт на стыке 19-й и 30-й советских армий, а 4-я ТГр группа Э. Гёпнера – в полосе обороны 43-й армии, к югу от Варшавского шоссе. В дальнейшем 4-я ТГр смяла советские части и нанесла удар уже по второму эшелону Резервного фронта, – по войскам 33-й армии. Ставка ВГК не смогла оперативно среагировать на изменение обстановки и предотвратить дальнейшее быстрое наступление германских моторизованных соединений. В Генштаб РККА поступали пока донесения об успешных действиях в обороне 16-й, 20-й и 24-й армий Западного и Резервного фронтов, и мало кто мог поверить, что немецкие танки смогли выйти на шоссе Спас-Деменск – Юхнов, обходя основную группировку советских войск. К сожалению, всё внимание Ставки ВГК в этот момент было приковано к орловскому и брянскому направлениям, а также положению под Харьковом. К этому времени 2-я ТГр углубилась в полосу обороны Брянского фронта уже на 120 км²⁹. Но ситуация в районе Вязьмы Ставкой не рассматривалась пока как критическая.

Данные нашей авиаразведки о германских колоннах техники в советском тылу воспринимались как дезинформация. Командующего истребительной авиацией ПВО Н.А. Сбытова вызвал к себе начальник Управления особых отделов НКВД В.С. Абакумов, который обвинил его в том, что он пытается посеять панические настроения, проводя разведку в тылу и давая непроверенные сведения. Однако они подтвердились, и по врагу был своевременно нанесен удар с воздуха, который очень помог оставшимся вне окружения частям РККА³⁰. Бомбардировка моста через р. Угру в районе Юхнова на время задержала немецкое продвижение на восток.

Однако в целом ситуация на фронте становилась всё более угрожающей. Западнее Вязьмы советское командование продолжало удерживать участок обороны между флангами прорывов немецких соединений. Оно пока не знало, что вечером 4 октября потеряло последний шанс для отвода войск. 3-я и 4-я ТГр продолжали развивать наступление в направлении Вязьмы, охватывая силы Западного и Резервного фронтов.

В первые дни наступления число советских пленных, захваченных немецкими частями было еще не так велико, но все они, по германским данным, “в один голос показывали, что им дан приказ безусловно держаться”³¹.

К 4 октября части 8-го ак вышли к верхнему течению р. Днепр (в районе Павлово), прикрывая восточный фланг 9-й армии, наносящей с северо-запада главный удар на Вязьму³². На Днепре части Красной Армии имели хорошо подготовленную систему

²⁶ См.: Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 168–169.

²⁷ Хазанов Д.Б. Указ. соч., с. 37.

²⁸ Цит. по: Невзоров Б.И. Оборона на дальних и ближних подступах к Москве. – 50-летие победы под Москвой. Материалы военной научной конференции. М., 1993. с. 24.

²⁹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 169.

³⁰ Москва военная, 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995, с. 84–86.

³¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12454, д. 115, л. 204.

³² Там же, д. 320, л. 53–62.

обороны. Однако продолжительного сопротивления оказать не смогли. К исходу 4 октября острие танкового клина 3-й ТГр Г. Гота находилось уже в 60, а 4-я ТГр Э. Гёпнера – в 70 км от Вязьмы. На просьбу И.С. Конева разрешить отход к Ржевско-Вяземскому рубежу Верховный Главнокомандующий не ответил³³. Лишь 6 октября, когда до смыкания кольца окружения под Вязьмой оставалось 20 км, Ставка ВГК, наконец, разрешила Коневу начать отход. Одновременно в Москве приняли решение об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов³⁴. Однако ситуация для советских войск уже стала катастрофической.

Мужественное, но не всегда умелое сопротивление воинов Красной Армии не смогло остановить германские танковые объединения. Многие дивизии Резервного и Западного фронтов комплектовались из ополченцев, которые дрались героически, но не имели необходимого опыта и выучки. Немцы же максимально использовали свое преимущество в огневой мощи и подвижности. Полевые командиры вермахта получали радиоперехваты переговоров между советскими штабами и применяли радиообман³⁵.

7 октября 1941 г. кольцо под Вязьмой замкнулось. Западнее города 7-я тд 3-й ТГр соединилась с 10-й тд (4-й ТГр). По немецким оперативным данным от 8 октября, в “котел” попали части 19-й, 20-й, 24-й и 43-й советских армий (23 стрелковых дивизий (сд) и 3 танковых), а также отдельные части 8 стрелковых и 2 танковых дивизий³⁶. Под Брянском окружение 50-й, 13-й, 3-й советских армий было завершено спустя два дня, 9 октября.

Теперь части РККА, которые еще держали оборону между флангами германских прорывов, начали быстрый отход. Принявший на себя командование окруженными войсками, генерал-лейтенант М.Ф. Лукин решил сходу прорвать стальные клещи противника и вывести свои силы на восток. Быстрое отступление соединений Западного и Резервного фронтов (уже после завершения окружения), очевидно, было ошибкой советского руководства. Необходимо было организовать оборону окруженного района, нащупать слабые места противника и лишь затем идти на прорыв. Оставляя в спешке свои позиции, советские части тем самым сужали себе пространство для маневра. Преследуемые с запада германской пехотой, части Красной Армии упирались в стальную завесу на востоке. На фронте шириной 80 км, южнее и севернее Вязьмы, немцы сосредоточили 2-ю, 5-ю, 6-ю, 7-ю, 10-ю и 11-ю тд³⁷. Непосредственно Вязьму прикрывала 10-я тд. Советские солдаты в полный рост шли в атаку, пытаясь вырваться там, где немцы их уже ждали. Десятки тысяч солдат погибли 8–12 октября в районе деревень Богородицкое и Панфилово под огнем германских орудий и пулеметов. Сотни тысяч попали в плен.

Не смогла оказать реальной помощи окруженным войскам и советская авиация. Не было налажено должного снабжения отрезанных частей, плохо работала авиаразведка. Лишь эпизодически окруженным сбрасывалось некоторое количество продовольствия и боеприпасов³⁸. Наступившая после 7 октября плохая погода, дождь, слякоть не помешали немецким частям непрерывно наращивать натиск на сердцевину “котла” западнее Вязьмы³⁹.

В “котлах” под Вязьмой и Брянском оказались 7 полевых управлений армий из 15; 64 дивизии из 95; 11 танковых бригад из 13; 50 артиллерийских полков из 62⁴⁰. Для войск Западного и Резервного фронтов создалась катастрофическая ситуация.

³³ Цит. по: *Невзоров Б.И.* Оборона..., с. 25.

³⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 170.

³⁵ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12454, д. 115, л. 212.

³⁶ ЦАМО РФ, ф. 6598, оп. 12484, д. 109, л. 1.

³⁷ Там же.

³⁸ *Хазанов Д.Б.* Указ. соч., с. 71.

³⁹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 320, л. 53–62.

⁴⁰ Цит. по: *Невзоров Б.И.* Оборона..., с. 26.

Действуя испытанными методами, командование ГА “Центр” решило расколоть фронт окружения под Вязьмой надвое. 12 октября 1941 г. соединения 8-го ак пробивлись с запада, вдоль автостреды, к Вязьме. Была установлена связь с находившимися в городе частями 10-й тд.

12 октября часть войск 19-й армии под командованием генерала Лукина попытались прорваться через уже занятую немцами автостраду с севера на юг, чтобы соединиться там с 20-й армией генерала Ершакова. Лукин не знал, что в тот район, куда он рвался – д. Селиваново – сопротивление окруженных было уже практически подавлено⁴¹. И всё же немцы не смогли сдержать последнего отчаянного натиска советских солдат и в ночь с 12 на 13 октября многие из них, в результате тяжелых и кровопролитных боев, смогли прорваться на юг. Однако там они попали в новое окружение – теперь уже войсками 4-й немецкой армии. 13 октября местность в районе автостреды Смоленск – Вязьма была в основном взята врагом под контроль⁴². Советские части прекратили организованное сопротивление, хотя разрозненные группы продолжали сражаться в германском тылу еще как минимум десять дней.

Если под Вязьмой всё было уже кончено, то в районе действий 50-й, 3-й и 13-й советских армий Брянского фронта (командующий фронтом генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко, а с 14 октября 1941 г. – генерал-майор Г.Ф. Захаров) еще продолжались кровопролитные бои. 9 октября 1941 г. соединения 2-й армии генерал-полковника М. Вайхса смогли соединиться со 2-й ТГр Гудериана северо-западнее Брянска, расчленив тем самым советскую группировку на две части: северную – в районе Брянск, Дятково (50-я армия) и южную – в районе Трубчевск, Суземка, Навля (13-я и 3-я армии)⁴³.

Особенностью сложившейся ситуации было то, что если для 13-й армии генерал-майора А.М. Городнянского и 3-й армии генерал-майора Я.Г. Крейзера соединение частей Вайхса и Гудериана означало фактическое окружение, то для 50-й армии генерал-майора М.П. Петрова оставалась возможность отступления на северо-восток. Здесь немцы не имели сплошного фронта⁴⁴. Однако начавшийся прорыв 50-й советской армии на Белев был вскоре остановлен по приказу начальника Генштаба РККА Б.М. Шапошникова. Армии давалось другое предписание, но оказавшееся ошибочным – прорываться на юго-восток. В результате советские части наткнулись на подготовленную немецкую оборону, и все попытки пробиться на юго-восток (на р. Ресета) оказались безуспешными. Потеряв здесь свыше 80% личного состава и более 97% артиллерии, лишившись командарма М.П. Петрова, остатки армии всё же вышли из окружения, но в направлении на северо-восток, на тот же Белев⁴⁵. Катастрофическим было положение 3-й армии Я.Г. Крейзера, которая вела бои в районе Дмитровск-Орловский. Из окружения к северо-востоку от Поньрей смогли пробиться лишь 3 тыс. чел.

Части 13-й армии вначале пробивались на юго-восток, в общем направлении на Севск. За р. Свапа их должны были встретить части группы Ермакова. Прорыв советских войск, казалось, обещал успех – отдельные подразделения уже выходили к своим. Однако 16 октября немцам удалось закрыть брешь у р. Свапа⁴⁶. Путь отступления для частей Красной Армии был прегражден, из окружения смогли выйти лишь 10 тыс. чел.⁴⁷

Итог “сражения на уничтожение” под Вязьмой и Брянском был тяжелейшим для советских войск. По предварительным оценкам ОКХ от 14 октября 1941 г., в плену

⁴¹ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945, кн. 1, с. 173.

⁴² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 320, л. 53–62.

⁴³ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945, кн. 1, с. 174.

⁴⁴ ЦАМО РФ, ф. 6598, оп. 12484, д. 109, л. 1.

⁴⁵ См.: Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 174.

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 377, л. 121–137.

⁴⁷ См.: Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 175.

оказались свыше 500 тыс. советских солдат, было захвачено 3 тыс. орудий, 800 танков и другая техника. Чуть позже, к 18 октября 2-я армия доносила о пленении 55 105 человек и захвате 477 орудий, 21 танка, 1066 автомашин и другой техники⁴⁸. В сводке германского верховного командования вскоре появились сообщения о взятии в плен 663 тыс. красноармейцев и командиров, уничтожении или захвате 1242 танков и 5412 орудий. По недавно опубликованным данным за первые две – три недели боев под Москвой Красная Армия лишилась до 1 млн. чел., из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. чел. пленными⁴⁹.

Под д. Богородицкое полегла почти вся 2-я дивизия народного ополчения. Уцелевшие же добровольческие дивизии затем превращались в кадровые соединения, им присваивались номера регулярных соединений РККА.

Спротивление и гибель окруженных войск не были напрасными. В конце концов, столица страны вряд ли смогла бы выстоять без их подвига. Для ликвидации двух огромных котлов ГА “Центр” пришлось привлечь до 61% своих дивизий (48 из 78) и затратить на это от 7 до 14 суток⁵⁰. Эти сутки стали тем критическим временем, которое как воздух нужно было советскому командованию, чтобы перебросить к развалившемуся фронту свежие соединения и преградить дорогу врагу.

Однако в середине октября фактически все пути на Москву казались германскому командованию открытыми. В советской стратегической обороне на московском направлении образовалась брешь шириной около 500 км. Закрыть ее было нечем или почти нечем. 8 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока генштаба ОКХ констатировал, что противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск восточнее Вязьмы⁵¹. Германское командование полагало, что с Советами покончено, и Москва в ближайшее время падет. В связи с этим планировалось привести в движение значительные силы ГА “Север” в юго-восточном направлении, а навстречу ей бросить подвижные соединения 9-й армии и 3-й ТГр, чтобы окружить соединения РККА на Валдайской возвышенности⁵². Осуществление этого плана способствовало бы не только быстрейшему захвату столицы, но и падению Ленинграда. По донесениям немецкой разведки выходило, что советские войска располагали в районе Москвы лишь отдельными частями НКВД и милиции, без артиллерии и тяжелого вооружения. Перед фронтом 4-й полевой армии, наступавшей на столицу, было замечено всего лишь одно (!) полнокровное советское соединение, появившееся под Медыню – это была 17-я танковая бригада (тбр). Переброски с востока свежих сил Красной Армии замечено не было. Предполагалось, что на участке от Козельска до Рузы находится не больше четырех-пяти советских стрелковых дивизий⁵³. Немецкие части уже к 10 октября вышли к Можайской линии обороны, а 14 октября соединения 3-й ТГр ворвались на окраины Калинина. В ставке фюрера царил эйфория. Но, как Гитлер, так и немецкие генералы переоценили свои силы.

Предполагалось взять столицу в клещи: силами прежде всего 4-й ТГр и 2-й ТА. Закреплять успехи танковых объединений намечалось пехотными соединениями одной 4-й полевой армии фон Клюге. Полное окружение Москвы означало, по мнению Гитлера, ее неминуемое падение. Капитуляция столицы, согласно приказу ОКХ от 12 октября 1941 г., не должна была быть принята. Город обрекался на уничтожение⁵⁴.

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 250–251; 280–281.

⁴⁹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 175.

⁵⁰ Там же, с. 181.

⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 203–204.

⁵² Там же, д. 114, л. 66.

⁵³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 210–211.

⁵⁴ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов, т. 1. с. 2.

ЗАМЫСЛЫ ГИТЛЕРА В ОТНОШЕНИИ БУДУЩЕГО МОСКВЫ

Еще 4 августа 1941 г. на совещании в штабе группы армий “Центр” в белорусском городе Борисове Гитлер говорил: “Москву следует окружить так, чтобы из нее не вышли ни русские солдаты, ни гражданское население. Будут приняты меры для того, чтобы затопить Москву и ее окрестности... Там, где сегодня Москва, возникнет огромное озеро, которое навсегда скроет столицу русского народа”⁵⁵.

Для затопления города намечалось взорвать шлюзы на канале им. Москвы. Вода, как предполагалось, должна была хлынуть в городские кварталы и затопить их. Однако этот “план”, очевидно, посчитали неэффективным, поскольку объема воды не доставало для затопления всего города, и, кроме того, вода, пронесаясь по улицам, затем вновь вошла бы в прежнее русло.

После окружения советских войск под Вязьмой у фюрера возникла другая идея. В распоряжении главного командования сухопутных сил вермахта группе армий “Центр” от 12 октября 1941 г. говорилось:

“Сов. секретно. Только для командования.

Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование этого мероприятия совершенно ясно в глазах всего мира. Так же, как и в Киеве, для наших войск могут возникнуть чрезвычайные опасности от мин замедленного действия. Поэтому необходимо считаться еще в большей степени с аналогичным положением в Москве и Ленинграде...

Необходимо иметь в виду серьезную опасность эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Всякий, кто попытается оставить город и пройти через наши позиции, должен быть обстрелян и отогнан обратно. Небольшие незакрытые проходы, предоставляющие возможность для массового ухода населения во внутреннюю Россию, можно лишь приветствовать. И для других городов должно действовать правило, что до захвата их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а население обращать в бегство...

Чем больше население советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными территориями...

Дополнение главного командования сухопутных сил: следует как можно скорее отрезать город от коммуникаций, связывающих его с внешним миром. Дальнейшие указания будут отданы позже”⁵⁶.

Москву намечалось окружить, обстреливать, избавиться от ее населения. В дальнейшем как крупный город она вряд ли уже существовала бы.

Уже позднее, в конце ноября–начале декабря, и фон Бок и Гитлер, рассчитывая на скорое падение Москвы, тем не менее ожидали ожесточенных схваток в городских кварталах. По одной из версий (документального подтверждения не найдено) на 7 ноября планировался парад германских войск на Красной площади в честь взятия Москвы. Там же намечалось возвести памятник в честь победы германской армии. Гранит для него (розоватого оттенка) был привезен из Финляндии. Материал уже подвезли к Москве, но его пришлось бросить после начала советского контрнаступления. Этот гранит впоследствии был использован для облицовки фасада одного из зданий на Тверской (тогда ул. Горького), дома № 9.

⁵⁵ Цит по: *Безыменский Л.А.* Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964.

⁵⁶ “Совершенно секретно! Только для командования!” М., 1967, с. 339.

КРИТИЧЕСКИЕ ДНЯ ДЛЯ МОСКВЫ

Со своей стороны, советское руководство намеривалось удерживать Москву всеми силами, но не исключало, что ее придется оставить. В первой половине октября минировались важнейшие объекты на территории столицы – прежде всего военные заводы, государственные учреждения, электростанции, и в том числе общественные здания и учреждения культуры, которые немцы могли посещать для развлечений, включая театры. В городе до войны работало 475 крупнейших предприятий, доля Москвы в общесоюзном производстве достигала 22%. В воспоминаниях бывшего начальника контрразведывательного отдела НКВД г. Москвы и Московской области С.М. Федосеева и зам. начальника 1-го главного управления НКВД, начальника особой группы П.А. Судоплатова немало драматических эпизодов, связанных с подготовкой столицы на случай ее захвата врагом. Так, Судоплатов вспоминал о том, что высшее руководство приняло решение готовить Москву к оккупации, но о том, чтобы “Москва может быть сдана немцам, видимо, никто не только вслух не говорил, но и думать не хотел”. Руководили подготовкой мероприятий в связи с возможной оккупацией по линии НКВД Л.П. Берия и Б.З. Кобулов. Готовились нелегальные резидентуры боевиков. На случай прорыва немцев вся Москва была поделена на районы, в которых располагались воинские части, которые должны были вести бои, и группы нелегалов-боевиков для действий в немецком тылу. Управление НКВД по Москве (начальник М.И. Журавлёв) также вело подготовку к уличным боям, в них предстояло принять участие столичному гарнизону внутренним и конвойным войскам и другим частям. Для уничтожения промышленных и транспортных объектов, вражеских военнослужащих, вошедших в Москву выделялись сотни тонн взрывчатки. Но, как подчеркивал Судоплатов, вопрос о том, чтобы взорвать весь город, не стоял. Были подготовлены к уничтожению лишь отдельные учреждения. Сотрудники НКВД исходили из того, что необходимо заминировать те здания, где противник может обосноваться, где он может продемонстрировать свою силу или отмечать победу⁵⁷.

В слякотные октябрьские дни 1941 г. столицу покидали не успевшие эвакуироваться люди. Товарные станции были забиты составами с оборудованием, рядом были упакованы картины и другие ценности. Линия фронта проходила уже в часе езды от Москвы. В конце ноября на окраинах города уже был слышен грохот орудийной канонады. В середине октября резко ускорилась эвакуация оставшихся в Москве предприятий. К декабрю из Москвы было вывезено 2,2 млн. чел. Состав работающих на московских предприятиях сократился на 80%.

На небольшом количестве оставшегося в Москве промышленного оборудования ремонтировали поврежденную боевую технику (самолеты, танки, моторы). Но не только ремонтировали. Город, несмотря ни на что, продолжал изготавливать минометы, боеприпасы, автоматы. Многие предприятия, выпускавшие до войны сугубо мирную продукцию, теперь выпускали военную. Московские рабочие варили рельсы для противотанковых ежей; фабрики, изготавливавшие вина и лимонад, наладили производство бутылок с горючей смесью. Москва стала лидером в производстве ППШ. Всего Москва дала фронту за годы войны 16 тыс. боевых самолетов, 72 тыс. минометов, 3,7 тыс. “катюш”, 3,5 млн. автоматов и др.

Москва готовилась к новым испытаниям. Нарастала опасность быстрого германского прорыва к городу. Немецкая разведка была недалеко от истины, отмечая, что в начале октября перед восточным флангом 4-й армии противник располагал всего несколькими дивизиями, включая три дивизии НКВД⁵⁸. Все четыре укрепрайона, входившие в состав Можайской линии обороны к 6 октября 1941 г. практически не были обеспечены войсками. Позиции в окопах занимали наспех переброшенные сюда разрозненные подразделения. Так, основу Малоярославецкого укрепрайона составили

⁵⁷ См.: Москва военная, с. 87–103.

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 25–251, 271–272.

курсанты подольских пехотного и артиллерийского училищ, личный состав запасного стрелкового полка, двух полков ПТО, гаубичного артиллерийского полка и танковой роты; Волоколамского укрепрайона – курсанты Пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР (1 тыс. чел.), личный состав двух батарей ПТО, батальона 33-й стрелковой бригады⁵⁹. Всего удалось собрать и бросить против авангардных соединений противника около 90 тыс. чел. Других боеспособных частей, способных помешать наступлению ГА “Центр” на Москву, у советского командования на тот момент не было.

Из Ленинграда в Москву срочно вызвали Г.К. Жукова, который должен был разобратся в обстановке и доложить ее Сталину. Добравшись до штаба Западного фронта, он встретил там комиссию из Москвы, выяснявшую причины катастрофы и готовую отдать И.С. Коневу под трибунал. Жуков фактически спас Конева от расстрела, попросив Сталина назначить последнего командовать силами, действовавшими на Калининском направлении. Верховный дал согласие. 11 октября (в 18.00) Жуков официально вступил в должность командующего Западным фронтом. Его штаб находился тогда в Красновидове. Он принялся стягивать на основные магистрали, ведущие к Москве, любые войска, которые только возможно было сюда перебросить.

Великий подвиг на дальних подступах к столице совершили курсанты военных училищ, прежде всего подольских пехотного и артиллерийского и училища им. Верховного совета РСФСР. Эти юноши – всего несколько тысяч человек – своей грудью прикрыли в начале октября дороги на Москву на Можайском, Волоколамском и других направлениях. Можайская линия обороны оставалась недостроенной и быстро оказалась в руках немцев. Вооружение курсантов было слабым. По некоторым данным, за период с 6 по 10 октября на полях от Медыни до Крестов потери курсантов составили до 3,5 тыс. чел. только убитыми. Но они помогли задержать врага на самых опасных участках и в наиболее критический период, когда немцы, наступая по незащищенным дорогам могли в два-три броска достичь Москвы и захватить ее сходу. Особенно кровопролитными были бои на Ильинских рубежах в районе Медыни.

В середине октября любой прорыв немецких танков мог оказаться роковым для советской столицы. Немецкое командование прочно удерживало стратегическую инициативу в своих руках. Наиболее опасное для советских войск направление обозначилось тогда в районе Можайска. Почти параллельно друг другу проходят в этом месте железные и автомобильные дороги на Москву, и именно здесь моторизованные части вермахта попытались прорваться к советской столице. Благодаря хорошим дорогам наступившая осенняя распутица не помешала переброске на этот участок боевых частей из-под Вязьмы. Ожесточенность боев день ото дня все возрастала, а немецкое наступление вдоль Можайского шоссе постепенно выдыхалось. Остается фактом, что, не имея перед собой значительных сил Красной Армии, 4-я армия и 4-я ТГр так и не смогли быстро прорвать оборону советских войск.

14 октября 1941 г. 1-я тд врага (3-я ТГр) захватила большую часть Калининна. Стремительный бросок танковой группы на северо-восток и быстрый захват города нанес серьезный удар по оперативным планам советского командования. Был взят крупный узел шоссейных дорог, исключительно важный для снабжения ГА “Центр”, и одновременно закрыт путь отступления частям РККА через Волгу на восток. Это вынудило нового командующего Западным фронтом Г.К. Жукова ходатайствовать о создании отдельного Калининского фронта (его возглавил И.С. Конев), в состав которого вошли 22-я, 29-я, 30-я и 31-я армии. Несмотря на неоднократные и ожесточенные атаки советских войск в направлении Калининна, вернуть город не удалось.

Заняв Калинин, 3-я ТГр в дальнейшем собиралась захватить старинный русский город Торжок. Однако у населенного пункта Медное немецкие соединения были контратакованы советскими войсками. Наступление захлебнулось. Во второй половине

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 28, оп. 11627, д. 102, л. 145–146.

октября значительная часть подвижных соединений 3-й ТГр перешла под Калинин к обороне.

Почему же войска вермахта во второй половине октября 1941 г. не смогли прорваться к столице? Главными причинами этого, что признаёт большинство историков, стали мужественное сопротивление воинов Красной Армии, экстренные меры советского правительства, руководства вооруженных сил по мобилизации всех ресурсов на защиту Москвы. 18 октября 1941 г. отдел по изучению иностранных армий Востока констатировал: “В ходе боев последних дней под Малоярославцем, Вереёй, Можайском, которые можно охарактеризовать как наиболее трудные за эту кампанию, высокая обороноспособность русских достигалась в основном за счет хорошего оборудования московских оборонительных позиций и использования большого количества тяжелых танков”⁶⁰. Особенно ожесточенными для 4-й армии оказались бои с советской 17-й тбр под Медынью и переброшенной с Дальнего Востока 32-й сд под Можайском.

По мере продвижения немецких войск к Москве на северном фланге ГА “Центр” стал образовываться громадный выступ, занятый войсками Калининского фронта. Этот выступ нависал над немецкими армиями, и фон Боку пришлось задействовать почти всю 9-ю армию только для обороны с севера. В то же время на южном фланге ГА “Центр”, к концу октября застопорилось продвижение части сил 2-й танковой армии (ТА) в направлении на Воронеж. Передовые силы 2-й ТА под Тулой в конце октября были остановлены резервами Ставки ВГК, частями 50-й армии и вооруженными жителями города. Немцам необходимо было произвести перегруппировку⁶¹.

В середине октября 1941 г. к Москве из тыловых районов СССР и с других участков фронта в спешном порядке подходили всё новые эшелоны с войсками. Они почти сходу вступали в бой. Это не замедлило сказаться на оперативной обстановке западнее столицы. Так, еще до официального вступления в должность командующего Западным фронтом Г.К. Жукова на можайское направление согласно директиве Ставки стали перебрасываться пять дивизий из 22-й и 29-й армий. Многое тогда зависело от быстрой, четкой и бесперебойной работы транспорта, и железнодорожники справились с поставленной задачей, внося тем самым большой вклад в оборону столицы.

Во многих германских донесениях говорилось об исключительной стойкости частей Красной Армии. Упорство советских солдат в обороне удивляло полевых командиров врага. Так, командование 5-го ак в докладе об обстановке на фронте от 23 октября 1941 г. отмечало, что “316 русская дивизия [с 18 ноября 1941 г. – 8-я гвардейская, командир генерал-майор И.В. Панфилов – *М.М.*], которая осталась неразбитой и имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную борьбу”⁶².

Советские документы позволяют показать условия, в которых сражалась 316-я сд. 27 октября Жуков отправил на имя Сталина донесение, иллюстрирующее обстоятельства, при которых части 316-й и 126-й сд оставили Волоколамск: “Сегодня 27.10 в 6 часов утра противник силою 2 тд, 29 мд (моторизованная дивизия. – *М.М.*), 106 пд (пехотная дивизия. – *М.М.*), при поддержке значительной авиации и артиллерии вел наступление на гор. Волоколамск с юга, юго-запада и с запада. Весь день шло кровопролитное сражение. 316 сд, полк 126 сд, понесшие в предыдущих семидневных боях потери, в первую половину дня дрались исключительно упорно и своих позиций не сдавали. Во второй половине дня противнику... удалось смять нашу оборону, и в 16.00 противник ворвался в Волоколамск, захватив Волоколамск, противник начал распространяться на восток по дороге Волоколамск, Ново-Петровское: остатки 316 сд и полк 126 сд в беспорядке отошли на восток и сейчас приводятся в порядок в 6–8 км восточнее гор. Волоколамск. Все резервы на волоколамском направлении израсходованы, и организовать контрудар для захвата обратно гор. Волоколамск сейчас

⁶⁰ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 280–281.

⁶¹ Там же.

⁶² Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов, т. 1, с. 55.

невозможно. Для того, чтобы не пропустить противника на Ново-Петровское и останить противника в районе Волоколамск, мы бросили из района Ново-Петровское 4-ю тбр и к утру выдвинем в район ст. Матрёнино три бронепоезда, с утра организуем непрерывные удары авиации фронта и Главного командования”⁶³. В итоге врага здесь удалось задержать подоспевшими свежими силами и сохранившими боеспособность частями 316-й сд.

Сегодня многие историки отмечают весьма жесткий стиль управления войсками со стороны Жукова. Эта жесткость имела место и, безусловно, оказала влияние на поведение и исполнительность подчиненных в кризисной ситуации. Насколько угрозы командующего помогли делу, а насколько вредили – вопрос спорный. Приведем лишь один факт из практики руководства Жукова. Поздним вечером 12 октября, узнав о падении Калуги, будущий маршал отправил командующему 49-й армии генерал-лейтенанту И.Г. Захаркину гневное послание (копия – Сталину):

“1. Немедленно дать объяснение, на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военсовета фронта и со штабом сами уехали в Тарусу.

2. Переходом в контрнаступление восстановить положение. В противном случае за самовольный отход от г. Калуга не только командование частей, но и Вы будете расстреляны.

3. Стык с 43-й армией в районе Прудки, Барановка направляется 9 тбр.

4. Получение, исполнение донести.

Жуков, Булганин, Соколовский”⁶⁴.

Документ показательный и требует лишь того комментария, что Калугу отбить тогда не удалось, но и Захаркин Иван Григорьевич расстрелян не был и продолжал руководить войсками своей армии.

Но были приказы и иного рода, например командиру 2-го кавалерийского корпуса (кк) от 12 ноября 1941 г.: “Прибывшее в кав. корпус необученное конному делу пополнение передать командующему 49-й армией для укомплектования стрелковых частей.

Необученное конному делу пополнение ни в коем случае в строй не давать, разрешаю использовать только для укомплектования тылов. 12.11.41. Жуков, Булганин”⁶⁵.

Так что Жуков думал и о необученном пополнении, и о том, какие потери неопытные новобранцы могут понести на полях сражений. И такой документ, подписанный им, отнюдь не является единичным.

В упомянутом докладе командования 5-го ак вермахта о боях с 316-й сд также отмечались трудности продвижения из-за непогоды. Упоминались “размокшая почва, против которой человек и лошадь в течение многих дней ведут борьбу”, перебои с горючим, “в связи с чем всякое движение вперед и работа значительной части средств связи оказались парализованными”⁶⁶.

“Погодный фактор” в октябре 1941 г., безусловно, сыграл свою роль. Полевые командиры ГА “Центр”, чьи части вязли в грязи и иногда сутками стояли на месте, оказались не подготовленными к такому повороту событий. Дождь, мокрый снег мешали им осуществлять быстрое продвижение, а российские дороги не были похожи на автостреды Западной Европы. Так, 45-я пд еще 13 октября 1941 г. застряла недалеко от населенного пункта Быстроны из-за “невообразимо плохих дорожных условий, не имея перед собой противника”. Сходное положение было и в других дивизиях⁶⁷.

Погодные условия стали тем фактором, который лишь осложнил неприятные проблемы, возникшие перед ГА “Центр” в результате усилившегося советского сопротивления. Не случайно в сводке ОКХ от 18 октября 1941 г. основное внимание было уделено именно “высокой обороноспособности русских”, а не погодным условиям.

⁶³ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 946, д. 41, л. 14.

⁶⁴ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 946, д. 41, л. 19.

⁶⁵ Там же, л. 247.

⁶⁶ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов, т. 1, с. 55.

⁶⁷ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12454, д. 115, л. 230.

19 октября в сводке появилась следующая запись: на фронте 4-й ТГр “противник по-прежнему оказывает упорное сопротивление и не сдает без боя ни пяди земли, ни одного дома”⁶⁸. Кроме того, еще до начала наступления ответственным офицерам ГА “Центр” было приказано встретить непогоду во всеоружии. Еще 3 сентября 1941 г. фон Бок отдал приказ своим войскам принять для этого все необходимые меры⁶⁹. Но, видимо, вера немецких генералов в быстрый успех была так велика, что передовые части врага к распутице оказались не готовы ни физически, ни психологически. Осложняло ситуацию на фронте ГА “Центр” и отсутствие у нее достаточных резервов, которые позволяли бы наращивать удар на Москву.

Но немцев задержала не столько погода, сколько героизм советских воинов. Об этом говорят строки из наградных документов того периода. В справке, приложенной к ходатайству о присвоении младшему сержанту Петру Дмитриевичу Стемасову, 1917 г.р. звания Героя Советского Союза говорилось: “Тов. Стемасов геройски сражался в бою 25 октября 1941 г. за село Спасс-Рюховское. В момент боя, рискуя жизнью, он потушил пожар на 2 машинах, загруженных боеприпасами и горючим. Во время танковой атаки, исправив орудие, один, без артиллерийского расчета, вел огонь по наступающим танкам, когда это орудие было выведено из строя, т. Стемасов подполз к другому орудию и пятью наличными снарядами уничтожил 2 танка. Но когда было подбито и это орудие, тов. Стемасов взял уцелевший трактор и дождавшись ночи, пробираясь в обход противника, вывез в течение трех суток это орудие в полк и одновременно привел с собою 17 бойцов полка”⁷⁰.

Русская земля рождала истинных героев, которые не бежали перед до зубов вооруженным противником, держались до последнего и были достойны памяти своих великих предков.

Избранная командованием Западного фронта тактика прикрытия основных направлений возможного продвижения германских войск к Москве (в том числе главных дорог), заставляла части вермахта либо наступать на советские укрепленные позиции в лоб, либо обходить их по бездорожью. Немецких генералов тревожила информация об жарких схватках с новыми русскими танками. Командующий 4-й армией фельдмаршал фон Клюге докладывал фон Боку: “Несмотря на многочисленные попадания бронейных снарядов, в том числе в башню, вражеские танки недостаточно быстро выводятся из строя и не пробиваются насквозь. В последнее время русские используют до 80% из всех танков – танки Т-34. В случае атаки большого количества таких танков мы могли бы потерпеть локальное поражение”⁷¹.

Новое советское оружие сыграло важнейшую роль в обороне Москвы. Наряду с танками немцы чрезвычайно опасались обстрелов наших реактивных минометов. В критический период середины октября 1941 г. “катюши” нанесли немалый урон передовым частям вермахта.

КОРОТКАЯ ПЕРЕДЫШКА

К концу октября 1941 г. первый натиск немецкого наступления на советскую столицу исчерпал свою силу. ГА “Центр” была необходима передышка. Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин германские части вынуждены были приостановиться, чтобы пополниться личным составом, привести в порядок материальные, продовольственные и боевые припасы. Стойкость советских частей на главных направлениях удара группы армий “Центр” дало Ставке Верховного Главнокомандования возможность перебросить на защиту столицы дополнительные соединения из восточных районов Советского Союза. Встреча передовых германских

⁶⁸ Там же, оп. 12462, д. 548, л. 288–289.

⁶⁹ Там же, оп. 12454, д. 115, л. 41.

⁷⁰ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 946, д. 41, л. 15–16.

⁷¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 572, л. 47.

подразделений, продвигавшихся на Москву, со свежими советскими дивизиями никак не входила в расчеты командования вермахта. В конце октября 1941 г. немецкая разведка отмечала, что можно ожидать подхода к столице всего одной или двух дивизий с Кавказа и одной дивизии с Дальнего Востока и что “до наступления зимы противник не имеет в своем распоряжении боеспособных резервов крупного масштаба”⁷². Как оказалось, немцы глубоко заблуждались.

Ставка ВГК продолжала усиливать Западный фронт новыми соединениями и маршевым пополнением. 10 ноября Брянский фронт был расформирован. Его 50-я армия передана Западному фронту, 3-я и 13-я армии – Юго-Западному фронту. С 17 ноября в состав Западного фронта вошла 30-я армия Калининского фронта. Войска получили приказ прочно удерживать занимаемые позиции и не допустить окружения Москвы.

Г.К. Жуков мог полагаться на свой тыл. Оставшиеся в Москве жители день и ночь трудились на помощь фронту, женщины, старики и дети рыли сотни километров окопов и противотанковых рвов. Недостроенную Можайскую линию (из намеченных 760 дотов было построено всего 296) немцы заняли в основном в десятых числах октября. 12 октября ГКО принял решение о создании системы оборонительных рубежей вокруг Москвы, получившей затем название Московской зоны обороны (МЗО). Руководство МЗО возлагалось на генерал-лейтенанта П.А. Артемьева. Вокруг Москвы намечалось создать пояс обороны, состоящий из двух рубежей – главного и городского.

14 октября окончательно определилась линия оборонительного рубежа вокруг столицы: через Ростокино, Лихоборы, Коптево, Химки, Ивановское, Щукино, Кунцево, Матеевское, Никольское, Зюзино, Волхонка, Батраково (Главная полоса). Строительство оборонительных сооружений велось и непосредственно в городской черте (Городской рубеж). В первую очередь нужно было строить противотанковые препятствия (рвы, эскарпы, завалы), доты, баррикады и др. Положение переднего края этой полосы несколько раз корректировалось в зависимости от обстановки на фронте. Вся зона строительства обороны Москвы была разбита на пять секторов.

25 октября Моссовет принял постановление, по которому к строительству укреплений привлекалось население города в возрасте: мужчины – до 45 лет, женщины – до 40 лет. Рабочим сохранялась средняя зарплата, обеспечивалось питание. На строительстве укреплений работали люди различных профессий – от дворника до научного работника. Строили в непролазной грязи, под дождем, мокрым снегом, несмотря на холод. Часто налетала вражеская авиация, но работы не прекращались. Всего в строительстве укреплений участвовало около 600 тыс. жителей Москвы и Подмосковья, среди них 70–75% женщины. Работы велись до середины декабря 1941 г.⁷³

Необходимо отметить, что Военный совет Московского военного округа занимался и подготовкой новых частей для обороны столицы. С 13 октября, в связи с создавшимся кризисным положением на фронте, началось формирование рабочих рот и батальонов, направляемых на защиту города (по сути, вторая волна народного ополчения в Москве). На 24 октября 1941 г. в них вступило 8 тыс. чел. Они пополнялись и позднее. Эти батальоны занимали оборону на границах города и, кроме ускоренной боевой подготовки, осуществляли строительство оборонительных полос. Вооружение их происходило за счет внутренних ресурсов столицы: винтовки и пулеметы устаревших марок, главным образом иностранных образцов: французские, польские, канадские, немецкие, австрийские, оставшиеся еще с 1-й мировой войны. На базе этих батальонов, начиная с 28 октября 1941 г., стали формироваться Московские стрелковые дивизии – всего пять дивизий. Эти соединения прикрывали Москву, и затем использовались в боевых действиях⁷⁴.

Командование МВО (МЗО) много сделало для минирования основных направлений подхода к Москве вражеских моторизованных частей. Так, в ночь с 15 на 16 ок-

⁷² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 306–318.

⁷³ Там же, л. 307–308.

⁷⁴ Иванов В.К. Московская зона обороны. Ее роль в защите столицы (1941–1942). М., 2001.

тября в сторону фронта было отправлено 8 отрядов для постановки заграждений, с целью – не допустить внезапного прорыва вражеских танков. Они минировали Дмитровское, Ленинградское, Звенигородское, Можайское, Киевское и другие шоссе. Интересно, что сами немцы, как будет показано ниже, отмечали, что замедление их наступления на Москву произошло, в том числе, из-за минирования русскими местности.

15 октября 1941 г. вышло постановление ГКО “Об эвакуации столицы СССР г. Москвы”. В тот же день в кабинете Сталина состоялось важное совещание. Вот как его описывал заместитель председателя СНК А.И. Микоян:

«15 октября в 8 часов утра вдруг меня будит сотрудник охраны... и сообщает, что Сталин просит в 9 часов зайти к нему... Как я помню, со мной пришли В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.А. Вознесенский, А.С. Щербаков, Л.М. Каганович. Сталин внешне держался спокойно. Кратко изложил обстановку, сказав при этом, что до подхода наших войск немцы попытаются раньше подбросить резервы и фронт под Москвой может быть прорван. Он предложил срочно, сегодня же, эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, видных политических и государственных деятелей, подготовить город на случай прорыва фронта противником и вторжения его в Москву... Заминировать важнейшие заводы... предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня же. “А я выеду завтра утром”, – сказал он... Мы с Молотовым встретились с наркомом. Наркомы были ошарашены самим фактом эвакуации, которая должна была осуществляться за один день... Кроме того, было решено, чтобы успокоить рабочий класс столицы, выдать на заводах вперед двухнедельный заработок»⁷⁵.

16 октября, когда москвичи услышали о новом немецком наступлении, поползли слухи о скором прорыве германских танков к Москве, среди части горожан возникла паника. Вставшие наземный транспорт и метро, лихорадочная выдача по карточкам дополнительного количества продуктов некоторыми гражданами было расценено как предвестие прихода фашистов. Страх за себя и своих родных вполне понятное и объяснимое явление. Многие москвичи, похватав свои вещи, устремились на восток, запрудив шоссе Энтузиастов. Другие пытались прекратить хаос, останавливая нагруженные домашним скарбом машины. Положение усугублялось бегством из Москвы некоторых директоров предприятий, бросивших на произвол судьбы своих подчиненных. Причем многие работники не получили, как им обещали, причитающихся денежных средств. Имелись случаи разграбления магазинов и складов. Как всегда в таких случаях, в городе оживилась преступная среда⁷⁶.

Приняв решение об эвакуации важнейших заводов и учреждений, минировании стратегических объектов столицы, сам Сталин и оперативные работники НКВД и Генштаба остались в городе. Хаос был пресечен жесткими мерами в отношении преступников, паникеров и неустойчивых элементов. Несколько директоров предприятий было предано суду. Заявление по радио 1-го секретаря МГК ВКП(б) А.С. Щербакова вносило определенную ясность в создавшуюся обстановку и несколько успокоило москвичей. Еще большее значение имело введение с 20 октября в Москве осадного положения. В городе устанавливался комендантский час, подозрительных лиц предписывалось немедленно арестовывать, а при сопротивлении – расстреливать на месте. Были приведены в действие и другие мероприятия по борьбе с паникерами, шпионами и т.п. Уже вечером 19 октября москвичи почувствовали в городе твердую руку, на улицах появились патрули, полностью восстанавливалась работа транспорта и оставшихся предприятий. Панику удалось быстро предотвратить. Но наряду с жесткими мерами этому способствовало чувство ответственности и решимость стоять до конца у большинства оставшихся в Москве жителей. Именно их поведение в той критической ситуации стало переломным моментом в водворении в столице надлежащего порядка.

⁷⁵ Новая и новейшая история, 1968, № 3, с. 88–90.

⁷⁶ Выдержки из воспоминаний А.И. Шахурин, А.И. Микоян, М.И. Журавлёва и других источников о том, что происходило в правительстве и на улицах столицы в середине октября 1941 г. см.: Москва военная, с. 106–124.

Огромное моральное значение для бойцов Красной Армии и всех граждан страны имело торжественное заседание 6 ноября на станции метро “Маяковская” и проведение 7 ноября традиционного парада на Красной площади в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. О подготовке к параду знал только ограниченный круг лиц. Принимать парад было поручено заместителю наркома обороны СССР маршалу Советского Союза С.М. Будённому. Командование парадом возлагалось на командующего войсками Московского ВО и Московской зоны обороны генерал-лейтенанта П.А. Артемьева. Непосредственная подготовка парада была поручена коменданту г. Москвы генерал-майору К.Р. Синилову.

На подготовку было несколько дней, при этом даже непосредственные участники не знали, что готовится парад. В ночь на 7 ноября комендант Москвы сообщил, что парад начнется в 8 часов утра. Все силы Московской ПВО были приведены в повышенную боевую готовность. Ровно в назначенное время войска вышли на Красную площадь. С речью к его участникам и всему советскому народу обратился И.В. Сталин:

“Вся наша страна организовалась в единый боевой лагерь”. На советских людей “смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас... мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!”

Парад 7 ноября 1941 г. – стал знаковым событием, изменившим психологический настрой народа, укрепившим его дух и веру в победу над фашизмом. Кроме того, парад имел огромное международное значение.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА МОСКВУ

Положение на фронте, однако, оставалось тяжелейшим для Красной армии. Германское командование, несмотря на временную приостановку наступления, не отказалось завершить начатое дело и взять столицу СССР, невзирая ни на какие препятствия. ГА “Центр” подтянула резервы, произвела перегруппировку. На Москву была нацелена 51 дивизия, из них 13 танковых и 7 моторизованных. Перевес в силах оставался на стороне вермахта: в людях – в 2 раза, в артиллерии и минометах – в 2,5 раза, в танках – в 1,5 раза. На отдельных направлениях (волоколамском, тульском) превосходство было еще более значительным. Затягивать оперативную паузу фон Бок не собирался. Уже 30 октября 1941 г. он издал приказ по группе армий на продолжение операций. Но возобновить натиск на столицу ГА “Центр” смогла лишь в середине ноября. Немалую роль в определении сроков наступления сыграли погодные условия. Германское командование хотело дожидаться, пока почва подмерзнет, что создаст хорошие условия для продвижения моторизованных частей. Однако главной причиной затянувшейся оперативной паузы стало то, что ГА “Центр” находилась под непрерывным воздействием контрударов советских частей.

На совещании в ставке фон Бока в Орше 12 ноября 1941 г. представители ОКХ и штаба ГА “Центр”, несмотря на высказанные сомнения, считали необходимым завершить кампанию 1941 г. взятием советской столицы. Для них Москва являлась не только важнейшим стратегическим объектом, но и символом. Немецкие войска, по их мнению, не могли остановиться на полпути, не дойдя до цели всего 60–100 км. К тому же ни Браухич, ни Гальдер, ни честолюбивый фон Бок не могли отказаться от захвата города, так как тогда ставилось под сомнение значение всех побед германского оружия, достигнутых на московском направлении летом и осенью 1941 г.

Представители верховного командования Германии (в первую очередь сам Гитлер) полностью поддерживали стремление генералов продолжать операции на Востоке поздней осенью.

Германское командование по-прежнему исходило из того, что советские вооруженные силы крайне ограничены в своих возможностях. В немецких разведсводках отмечалось, что советское руководство “стремится спасти от уничтожения... сильные части и сохранить приемлемый базис для продолжения боевых действий в следующем году... Резервов под Москвой, имеющих сколько-нибудь значительную силу, Красная Армия не имеет”⁷⁷. Такая оценка ситуации поддерживала надежды на долгожданный успех.

15–18 ноября ГА “Центр” возобновила наступление, нанося главные удары на Клин, Рогачёв – в обход Москвы с севера и Тулы, Каширы – в обход Москвы с юга. Враг встретил упорное сопротивление. “Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!” – таков был девиз защитников столицы.

Показательно, что германское командование осознало невозможность окружения Москвы практически одновременно с переходом немецких войск в наступление. Например, хорошо известен факт, что контрудар 49-й советской армии в районе Серпухова, проведенный согласно приказу командующего Западным фронтом от 14 ноября 1941 г., нанес ощутимый урон ГА “Центр”. В шестидневных боях были измотаны соединения правого фланга 4-й армии и сорваны их наступательные планы⁷⁸. В результате фельдмаршал Клюге сделал вывод, что об окружении Москвы силами 4-й армии не может быть больше и речи⁷⁹. В дальнейшем стойкая оборона советских войск под Тулой и контратаки 49-й армии Западного фронта препятствовали немецкому продвижению к Москве с юго-запада.

Однако командование вермахта намечало взять Москву при любых обстоятельствах. Отрицательную роль в ее обороне сыграл другой советский контрудар, 16-й армии К.К. Рокоссовского, наспех организованный по приказу генштаба одновременно с ударом 49-й армии. Советские части лишь измотали себя в боях, но не добились успеха. Напротив, немецкие соединения перешли в собственное наступление при выгодной для себя обстановке. Первыми нанесли удар 4-я и 3-я ТГр в направлении Волоколамска и Клина. Они довольно быстро добились крупного успеха. В результате пали Клин и Солнечногорск, а немецкие моторизованные колонны вышли к Ленинградскому шоссе. Здесь, к северо-западу от Москвы, обозначилась теперь главная угроза прорыва ГА “Центр” к стенам города. Судьба столицы и всего государства зависела от стойкости каждого советского бойца.

В середине ноября 1941 г. погода благоприятствовала переходу германских войск в наступление. Солдаты и техника продвигались на восток по мерзлой и твердой земле, лишь слегка припорошенной снегом. Небо было ясное⁸⁰. Метелей не предвиделось до конца месяца. Никаких ограничений действий германской авиации не было. Казалось, пройдет еще несколько дней, и немецкие танки ворвутся в Москву. Враг методично вгрызался в советскую оборону, но каждый шаг вперед стоил ему больших жертв.

Особенно ожесточенные бои разгорелись на волоколамском направлении. Здесь мужественно отражала немецкие атаки упоминавшаяся 316-я сд генерал-майора И.В. Панфилова. Эта дивизия была сформирована в Среднеазиатском военном округе. Еще 6 октября 1941 г. началась переброска дивизии под Москву. Она вошла в состав 16-й армии Западного фронта К.К. Рокоссовского. Немцы, рассчитывавшие сходу прорваться по Волоколамскому шоссе к Москве, не смогли сломить сопротивления дивизии.

Несмотря на то, что, как уже упоминалось, в конце октября враг смог взять Волоколамск, панфиловцы удерживали занимаемый фронт восточнее города. Немецкие части вынуждены были временно прекратить наступление. 16 ноября 1941 г. после мощной авиационной и артиллерийской подготовки противник обрушился на 316 сд

⁷⁷ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 548, л. 306–318.

⁷⁸ Там же, д. 572, л. 51.

⁷⁹ *Рейнгардт К.* Указ. соч., с. 161.

⁸⁰ *Clark A.* Op. cit., p. 172.

силами 2-й и 11-й тд. В панфиловской дивизии после октябрьских боев почти не осталось средств противотанковой обороны. Основной удар танковой армады врага пришелся по 4-й и 6-й стрелковым ротам 2-го батальона 1075 сп, оборонявшимся у разъезда Дубосеково и д. Петелино. Обе роты проявили себя стойко в этом неравном бою, отбив несколько танковых атак с помощью гранат и бутылок с зажигательной смесью, подбив при этом 24 танка. Политрук 6-й роты П.Б. Вихрев в разгар боя у д. Петелино, совместно с 14 бойцами уничтожил до взвода автоматчиков и пять немецких танков. Оставшись один, Вихрев отстреливался до последнего патрона и, когда его окружили немцы, чтобы не попасть в плен, застрелился. Ему первому в дивизии было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наиболее мощным атакам подверглись позиции 4-й роты во главе с политруком В.Г. Ключковым, в которой к концу боя уцелело 20–25 человек. Именно этот бой вошел в историю как подвиг 28 героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково и стал символом героизма, проявленного воинами 316-й дивизии. В этот день в донесении Сталину Г.К. Жуков писал: «За проявленную отвагу в боях, за стойкость, мужество и героизм всего личного состава дивизии в борьбе с фашистами, ходатайствую о присвоении 316 сд звания гвардейской и награждении ее орденом “Красное Знамя”». Уже 18 ноября 1941 г. дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую и награждена орденом Красного Знамени. Но в тот же день в бою у д. Гусенево погиб ее командир генерал-майор И.В. Панфилов. 23 ноября 1941 г. 8-й гвардейской сд было присвоено его имя. До начала декабря 1941 г. панфиловцы с тяжелыми боями, переходя в контратаки, отходили от рубежа к рубежу, не давая фашистам прорваться к Москве. У пос. Крюково (ныне в черте Зеленограда) враг был окончательно остановлен. 8-я гвардейская сд вместе с другими соединениями Западного фронта выполнила поставленную перед ней задачу⁸¹.

В те ноябрьские дни 1941 г. напряжение достигло наивысшей точки. Каждый метр земли, отданный врагу, мог стать роковым. Но Ставка и фронтовое командование держали руку на пульсе событий. Г.К. Жуков вспоминал: “Не помню точно, какого числа – это было вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта и на правом фланге армии К.К. Рокоссовского (видимо, 17–18 ноября 1941 г. – М.М.) – мне позвонил И.В. Сталин и спросил:

– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

– Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

– Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока у нас нет”⁸². (Речь шла о 1-й ударной и 10-й армии, а также о частях 20-й армии.)

В период последнего германского натиска на Москву советское командование требовало от бойцов и командиров РККА строжайшего исполнения приказаний и борьбы до последней капли крови. Массовый героизм военнослужащих и гражданского населения в битве за столицу проявлялся не благодаря и не вопреки воле начальства. Он исходил из глубины народного сознания, стремления сделать всё возможное для своей родины. Но Ставка ВГК и сам Сталин считали, что излишней жёсткости в деле обороны быть не может. Именно тогда был издан ряд приказов, которые сегодня вызывают неоднозначное толкование среди историков. Отметим лишь, что эти документы нельзя рассматривать в отрыве от суровой реальности и факта отсутствия альтернатив – либо враг будет остановлен, либо страна и все ее население окажется под пятой оккупантов.

⁸¹ Мартынов В.Е. Панфиловцы. – Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005. с. 406–407.

⁸² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 2002, с. 28–29.

Так, 17 ноября 1941 г. появился секретный приказ № 0428 Ставки ВГК – стараться “выгнать немецко-фашистских захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом”. Для этого приказывалось “разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и 20–30 км вправо и влево от дорог”. С выполнением этого приказа связан подвиг Зои Космодемьянской, поджигавшей дома, где квартировали немцы, схваченной и повешенной фашистами после пыток. 16 февраля 1942 г. ей было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ВРАЖЕСКИЙ НАТИСК СЛАБЕЕТ

В конце ноября настал решающий момент для борьбы на советско-германском фронте 1941 г. С начала нового немецкого наступления на Москву 15–18 ноября до перехода Красной Армии в контрнаступление – 5–6 декабря 1941 г. прошло всего чуть больше полумесяца, но именно за это время сила наступавших на Москву германских войск, основанная на их численном превосходстве, профессионализме немецких солдат и офицеров были превзойдены стойкостью советских бойцов, экстренными мерами советского правительства и руководства его вооруженных сил по мобилизации ресурсов на отпор врагу. В срыве последнего наступления сыграли свою роль и накопившиеся ошибки германского командования в анализе общей ситуации на Восточном фронте и в оценке остававшегося потенциала Красной Армии.

Сразу отметим, что немецкой авиации не удалось в ноябре захватить господства в воздухе в районе Москвы. Неудачными оказались германские атаки на советские аэродромы. Неспособность немецкой авиации в должной мере поддерживать наземные части вермахта снижало темпы продвижения ГА “Центр” к советской столице, отрицательно влияло на моральное состояние германских военнослужащих⁸³. С другой стороны, массированные атаки на жилые кварталы и предприятия города не привели к желаемому для неприятеля результату и не смогли дезорганизовать жизнь москвичей.

Силам люфтваффе в Москве противостояли части Московской зоны ПВО и силы местной ПВО (МПВО). К 22 июля 1941 г. ПВО (1-й корпус и 6-й истребительный авиакорпус) имела следующие силы: зенитных орудий среднего калибра 796, других зенитных орудий – 248, самолетов – 602, аэростатов – 124, зенитных пулеметов – 571, десятки прожекторов. К началу войны город располагал бомбоубежищами вместимостью на 400 тыс. чел. К концу 1941 г., включая 23 км линий метро, в Москве можно было укрыть от налетов 1,6 млн. чел. По данным Московского корпусного района ПВО на начало 1942 г., за 6 месяцев войны в налетах на столицу участвовало более 7 тыс. самолетов врага, из них к городу прорвалось всего 229. МПВО отметило за то же время появление над городом около 700 немецких самолетов.

Всего же в Москве 141 раз объявлялась воздушная тревога. На город было сброшено 1610 фугасных и 110 тыс. зажигательных бомб. Показательно, что 687 фугасок упало на ложные объекты. Во время налетов пострадало 7,7 тыс. чел., 2196 – погибли. МПВО занималось и обучением населения – как бороться с пожарами, как тушить зажигалки и т.п.⁸⁴

Противовоздушная оборона (ПВО) Москвы на тот период была, пожалуй, лучшей в мире, хотя из-за допущенных еще в предвоенное время ошибок и реалий противоборства с грозным и опытным противником, потери германской авиации на подступах к городу не оказались столь высокими, как на то можно было рассчитывать исходя из количества имевшихся у ПВО сил и средств. Историк авиации Д.Б. Хазанов отмечает, что недостатки в тактической и огневой подготовке советские летчики стремились

⁸³ Хазанов Д.Б. Указ. соч., с. 96–99.

⁸⁴ Москва военная, с. 409–410.

компенсировать самоотверженностью. Наиболее отважные старались уничтожить врага любыми способами, вплоть до тарана. Именно так в ночь на 8 августа сбил He-111 летчик 177-го истребительного авиаполка младший лейтенант В.В. Талалихин, в ночь на 10 августа тоже He-111 – лейтенант В.А. Киселёв, а на следующий день – лейтенант А.Н. Катрич, который действовал в кислородной маске и таранил “дорнье” на высоте 8000 м. Этот подвиг вошел в историю как первый высотный таран. Все три советских авиатора благополучно вернулись в строй, и их имена получили широкую известность.

По официальным данным войск ПВО, при отражении ночных налетов на Москву только истребители в июле – августе 1941 г. сбили 37 неприятельских самолетов, т.е. в каждом третьем бою одерживалась победа. В советской литературе утверждалось, что эскадра KG53 “Легион Кондор” потеряла на подступах и в небе столицы 70% своего состава. “Но сведения о потерях неприятеля, – пишет Д.Б. Хазанов, – сильно преувеличены. По целому ряду причин наши летчики имели более скромные успехи... Управление истребителями... осложнялось недостаточным количеством бортовых радиостанций. Не только И-16 и И-153, но и новые Як-1 не имели в то время даже приемников... Многие советские пилоты слабо ориентировались ночью... Маскировка своих аэродромов оказалась чрезмерной. Нередко, подлетая к району, где, согласно карте, располагался ночной аэродром, летчики давали сигнал “Я свой самолет”, но освещения посадочной полосы в ответ на это так и не могли дожидаться. Им приходилось выходить к Москве-реке и, следуя вдоль русла, садиться в Люберцах... Первые ночные воздушные схватки показали слабую огневую подготовку многих летчиков”. Многие самолеты противника считались сбитыми, но точного подтверждения этому не было.

Д.Б. Хазанов приходит к выводу, что на каждый сбитый немецкий самолет терялся один советский. Но люфтваффе теряло тех пилотов, которые уже имели не только значительно больший боевой опыт, но и нанесли множество успешных ночных ударов, в том числе по городам Великобритании. Большое воздействие, в том числе моральное, на немецких летчиков производил огонь зенитной артиллерии и действия прожектористов. “До конца 1941 г. немецкая авиация произвела 76 налетов на Москву, причем только в 9 из них участвовало 50 и более самолетов, а в 48 рейдах число машин в группе не превышало десяти”⁸⁵.

Не только в небе, но и на земле, на подступах к столице, происходили кардинальные изменения, свидетельствовавшие, что события развиваются не в пользу вермахта. В 20-х числах ноября немецким войскам противостояли уже не ослабленные и часто деморализованные части Красной Армии, которые в спешке отступали летом 1941 г. Воля и решимость сражаться были у них неизмеримо выше. Кроме того, на фронт постоянно прибывали свежие части из восточных регионов СССР. Сила ГА “Центр” была еще велика, но в середине ноября фон Бок стал опасаться, что противник в состоянии преподнести сюрприз, перебросив под Москву новые силы⁸⁶. Однако фельдмаршал еще верил в решительный успех. До окраин города на его северо-западных подступах 3-й и 4-й ТГр врага оставалось продвинуться всего около 40 км. Взятие столицы и подавление остатков сопротивления Красной Армии, по мнению немецкого командования, было делом ближайших дней.

Вслед за боями на волоколамском направлении, упорные сражения развернулись на укрепленной полосе советской обороны в районе Истры. Здесь дивизии СС “Райх” противостояла 78-я сд (“сибирская”) полковника, затем генерал-майора А.П. Белобородова. Вскоре 78-я дивизия стала 9-й гвардейской. Несмотря на контратаки советских войск, 21 ноября 46-й корпус 4-й ТГр противника занял населенный пункт Ново-Петровское. В то же время, 40-й корпус пробился на восток севернее г. Истра⁸⁷.

⁸⁵ Хазанов Д.Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М., 2006. С. 264–290.

⁸⁶ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 525, л. 153.

⁸⁷ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов, т. 1, с. 116–118.

Соединения ГА “Центр” продолжали развивать удар и на стыке Калининского и Западного фронтов, где советская оборона была наиболее уязвимой. Это обстоятельство позволило немецким войскам добиться значительного успеха. 25 ноября 11-й тд вермахта удалось переправиться через р. Истра и Истринское водохранилище. 26 ноября этот участок советской обороны вместе с г. Истра был уже полностью в руках немецких войск⁸⁸.

Фон Бок делал ставку на успех 4-й ТГр. С истринского участка немецкие войска выходили на ближние подступы к Москве. Бои шли уже в районе дачных поселков в окрестностях города. Об окружении советской столицы уже не говорилось – германское командование жаждало поскорее ворваться в ее кварталы и добить советские части на городских улицах. Удары соединений ГА “Центр” следовали один за другим. Участок боевых действий северо-западнее Москвы стал решающим для противоборствующих сторон.

Успех немецкого наступления зависел во многом и от событий на южном фланге ГА “Центр”, в районе г. Тулы. С 18 ноября главный удар танковой армии Гудериана был направлен по стыку Западного и Юго-Западного фронтов. Прорвав слабую оборону левого фланга армии А.Н. Ермакова (50-я армия), немцы устремились в обход Тулы с востока. К исходу 25 ноября они достигли рубежа в 6 км к югу от Каширы. Но неожиданно сильный контрудар 2-го кавкорпуса Белова (с 26 ноября – 1-й гвардейский кавкорпус) заставил противника перейти к обороне. Все попытки Гудериана овладеть Тулой также оказались безрезультатными⁸⁹. Важно подчеркнуть, что позиции советских частей, обороняющих этот город образовывали большой выступ в немецком фронте, который как бы разрезал ГА “Центр” на две неравные половины, и не давал возможности германскому командованию осуществлять нормальное снабжение и пополнение выдвинутых вперед соединений Гудериана. Это обстоятельство сказалось на осуществлении всего оперативного замысла операции. В начале декабря немцы вновь попытались овладеть Тулой. Германские соединения вышли к Московскому шоссе. Тула была почти полностью окружена, оставался лишь узкий коридор шириной в 5–6 км, но преодолеть его немцы не смогли. Войска советской 50-й армии сдержали натиск врага. Очевидно, что если бы Тула тогда пала, то немцы добились бы более тесного взаимодействия 4-й армии и 2-й ТА. Советская оборона к югу и юго-западу от Москвы могла бы не выдержать, и части вермахта сумели бы на этом участке вплотную подойти к столице.

Потери врага росли. В пехотных ротах оставалось всего по 20–30 человек, а пополнения ждать не приходилось. Но фон Бок, казалось, не замечал нарастающих трудностей. Он уже видел городские кварталы в бинокль, рассчитывал ворваться в них и без содействия Гудериана и хотел использовать свой последний шанс. Он сравнивал бои на северо-западе от Москвы с битвой на Марне времен Первой мировой войны и полагал, что ему придется бросить в сражение всё до последнего солдата, чтобы победить⁹⁰.

Генерал Рейнгардту (новому командующему 3-й ТГр) 24 ноября был поставлен приказ достичь канала Москва-Волга в районе Яхромы – Дмитров⁹¹. Ценой громадных усилий 3-й ТГр удалось в конце ноября продвинуться к каналу и переправиться под Яхромой на его восточный берег. Но здесь ее остановили передовые части советской 1-й ударной армии, переданной 29 ноября 1941 г. из резерва Ставки Западному фронту. Вскоре войскам 1-й ударной армии удалось разбить и отбросить на противоположную сторону канала уже переправившиеся через него части 56-го ав врага.

Южнее полосы наступления 3-й ТГр активными действиями советской 20-й армии было остановлено продвижение вперед немецкой 4-й ТГр на рубеже, проходящем

⁸⁸ Битва за столицу. Сборник документов, т. 1, с. 120–121.

⁸⁹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 188.

⁹⁰ *Рейнгардт К.* Указ. соч., с. 188.

⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 118, л. 57–58.

через район деревни Красная Поляна (что в 27 км от Кремля), которая была занята немецкими войсками 1 декабря. Вплоть до 5 декабря на этом участке продолжались ожесточенные бои.

Последнюю отчаянную попытку прорваться к Москве ГА “Центр” предприняла 1–3 декабря 1941 г. в районе Звенигорода и Наро-Фоминска (в полосе 4-й армии). Но и она окончилась провалом. Утром 1 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки немцы начали наступление. В районе Звенигорода они особого успеха не имели, но северо-западнее Наро-Фоминска пехотные дивизии врага, используя более чем пятикратный перевес, прорвали оборону 33-й советской армии. К полудню 2 декабря пехотные части вермахта при поддержке 15 танков заняли Петровское и Бурцево. До окраин Москвы оставалось всего 30 км. Прорыв немцев к деревне Бурцево был чрезвычайно опасным и являлся попыткой фон Бока путем фронтального удара взломать оборону Москвы. Сил для наращивания натиска на флангах ГА “Центр” уже не имела. В результате контрудара боевой группы 33-й армии под командованием полковника М.П. Сафира враг был остановлен – немецкий пехотный полк, усиленный танковым батальоном, разгромлен, а его остатки отброшены назад. Операция по ликвидации нарo-фоминского прорыва ГА “Центр” имела большое значение в битве за Москву. 5-я и 33-я армии Западного фронта сдержали отчаянный натиск германских войск и не допустили их продвижения к столице по Минскому и Киевскому шоссе⁹².

Высказываются различные точки зрения на то, какое воздействие оказала наступившая морозная погода на наступление ГА “Центр” в конце ноября – начале декабря 1941 г. Данные о температуре воздуха в период последних попыток группы фон Бока достигнуть столицы в отечественных и зарубежных исследованиях расходятся. Отметим, однако, что по немецким источникам она редко превышала тогда обычную для этого времени отметку –15–16°С; и лишь в первых числах декабря достигла 30°С⁹³. Естественно, сильный мороз вносил немалые коррективы в действия германских войск, – в частности, заставлял экипажи танков и водителей грузовиков тратить массу времени и сил на подогрев моторов, а боевые подразделения были вынуждены совершать переходы только вблизи населенных пунктов. Но температура ниже 30°С стояла всего два дня, и, конечно, холод оказывал воздействие не только на немецких, но и на советских солдат. Причиной срыва наступления ГА “Центр” был не мороз, а возросшее сопротивление Красной Армии. Прорыв частей вермахта под Наро-Фоминском, когда им всего за сутки удалось продвинуться на глубину 25 км, но затем пришлось ретироваться под воздействием контрудара советских частей – яркое тому подтверждение.

Немецкое командование имело возможность предотвратить худшие для него последствия надвигающегося кризиса. Однако парадокс заключался в том, что выводы немецкой разведки (которые разделяли представители и ОКХ, и ОКВ) во многом противоречили здравому смыслу. Весьма характерна следующая оценка обстановки на фронте отделом по изучению иностранных армий Востока. 4 декабря 1941 г. он сообщил: “В общем же боеспособность противника не настолько велика, чтобы без значительного подкрепления можно было предпринять крупное наступление”⁹⁴.

Активные действия Западного и Калининского фронтов настораживали командующих объединениями ГА “Центр”. Однако сверху никаких указаний о переходе к обороне они не получали, и особых мер для охраны своих позиций они не предпринимали.

Советское командование внимательно следило за развитием ситуации под Москвой. В конце ноября в тыловом районе, позади Западного и Брянского фронтов, были сосредоточены свежие дивизии, переброшенные с Дальнего Востока, Сибири и Урала.

⁹² Сафир В.М. Оборона Москвы. Нарофоминский прорыв. – Военно-исторический архив, вып. 1. М., 1997. с. 77–96.

⁹³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 554, л. 6–18.

⁹⁴ Там же, д. 539, л. 71–72.

На их основе были сформированы 1-я ударная, 26-я, 10-я, 61-я армии, готовые в любой момент по приказу Ставки перейти в наступление. Часть прибывавших сил вступала в бой прямо с колес и теснила выдвинутые вперед немецкие части. Жуков и его штаб видели, что противник выдохся и отходит при первом же сильном нажиме со стороны Красной Армии. Теперь главное было не упустить момента для перехода в контрнаступление.

План советского командования по разгрому врага вырабатывался в самое кратчайшее время в конце ноября – начале декабря 1941 г. 29 ноября Жуков попросил Сталина отдать приказ о переходе в наступление. Он вспоминал: “29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления...”

[Сталин]... – А вы уверены, что противник подошел к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

– Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами...

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили решение Ставки о передаче Западному фронту 1-й уд. и 10-й армий и всех соединений 20-й армий”⁹⁵.

Рассмотрев предложения Жукова, Ставка довела до командующих фронтами общие задачи предстоящего контрнаступления. Что же представлял из себя его план? Для доклада Сталину были подготовлены всего одна карта, на которой красным карандашом были изображены полосы наступления, и объяснительная записка к ней.

В объяснительной записке командования Западным фронтом на имя Сталина от 30 ноября 1941 г. говорилось следующее:

“1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1-й ударной, 20-й и 16-й армий и армии Голикова с утра 3–4 декабря, 30 армии 5–6 декабря. [...]

3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

4. Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск 5, 33, 43, 49-я и 50-я армии фронта 4–5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.

5. Главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой – армией генерал-лейтенанта Голикова”.

Под документом стояли подписи Г.К. Жукова, начальника штаба фронта В.Д. Соколовского и члена военного совета фронта Н.А. Булганина.

Передавая этот документ через заместителя начальника Генерального штаба А.М. Василевского, Г.К. Жуков тогда же написал несколько строк лично для него: “Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой”. Резолюция Сталина была короткой – “Согласен. И. Сталин”⁹⁶.

Таким образом, замысел контрнаступления не предусматривал глубокой операции. Жуков намеревался разгромить передовые части противника и отбросить на несколько десятков километров от Москвы. В действительности все произошло совершенно иначе.

Безусловно, советское командование сделало всё от него зависящее, чтобы контрнаступление было подготовлено как можно более скрытно. Все переговоры по радио

⁹⁵ Жуков Г.К. Указ. соч., т. 2, с. 254–259.

⁹⁶ Публикуется по: Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М., 1994, с. 63.

и переписка строжайшим образом засекречивались и контролировались. Немецкому военному руководству не удалось получить достоверных данных, раскрывающих замыслы советской стороны⁹⁷.

По словам академика А.М. Самсонова, положение ГА “Центр” характеризовалось тогда следующим образом: ее армии растянулись одним эшелонном на фронте до 1000 км; над фланговыми группировками ГА “Центр” нависли с севера войска Калининского фронта, с юга – армии левого крыла Западного и правого крыла Юго-Западного фронта; коммуникации группы фон Бока подвергались ударам советских партизан и авиации. К тому же началась холодная и снежная зима, к которой Красная Армия была подготовлена намного лучше⁹⁸. В осенне-зимних боях 1941 г. вермахт понес большие потери, многие части были, по существу, обескровлены. Всего немцы потеряли с 16 ноября до начала декабря 1941 г. 155 тыс. чел. убитыми и ранеными, 300 орудий, около 800 танков и до 1500 самолетов⁹⁹. Всё это во многом предопределило невиданный кризис, постигший германскую армию под Москвой. К тому же в конце ноября советские войска добились больших успехов на флангах советско-германского фронта – под Тихвином и Ростовом, что благоприятно повлияло на наступательные действия Красной армии под Москвой. Наступил кульминационный момент сражения.

Время для удара по войскам ГА “Центр” советское командование выбрало очень удачно. Враг был истощен, но еще не перешел полностью к жесткой обороне. Нужно было использовать выгодную ситуацию, пока фон Бок не получил подкрепления из Германии и оккупированных стран Европы.

НАЧАЛО СОВЕТСКОГО КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Ставка ВГК готовила переход советских войск в контрнаступление с начала ноября. Советская группировка под Москвой, несмотря на потери, за счет формирующихся резервов к началу декабря насчитывала 1100 тыс. чел., 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. ГА “Центр” к этому времени насчитывала 1708 тыс. чел., около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. Она превосходила советские войска в личном составе в 1,5 раза, в артиллерии – в 1,8, танках – в 1,5 раза и только в самолетах уступала им в 1,6 раза. Советское контрнаступление явилось уникальным случаем в истории войн – переход от обороны к стратегическому наступлению осуществлялся меньшими силами, чем у врага. Но советское командование учитывало не только соотношение сил, но и измотанность немецких войск, отсутствие у них заранее подготовленных оборонительных позиций, их неготовность к ведению войны в суровых зимних условиях и, конечно, высокий моральный дух советских воинов.

Важно подчеркнуть, что советское контрнаступление началось для германского командования внезапно. Оно застало войска ГА “Центр” в крайне невыгодный момент, – как раз тогда, когда они переходили от наступления к обороне. Наиболее чувствительными к ударам Красной Армии оказались соединения вермахта, находившиеся на флангах группы фон Бока. Они практически до последнего момента продолжали попытки продвинуться к Москве и не предприняли никаких мер на случай отступления.

Не успели еще части 3-й ТГр и 4-й армии привести себя в порядок после неудачных наступательных действий в первых числах декабря, как советские Западный и Калининский фронты перешли от контратак к широким наступательным операциям. 5 и 6 декабря войска Калининского и Западного фронтов, 7 декабря – Брянского фронта

⁹⁷ Битва за столицу. Сборник документов, т. 1, с. 175.

⁹⁸ Самсонов А.М. Москва, 1941 год. М., 1991, с. 168.

⁹⁹ Кульков Е.Н. Московская битва. – Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия, с. 355.

двинулись вперед. Красноармейцы часто шли в атаку без артиллерийской подготовки, что усиливало эффект внезапности советского удара. В результате прорывов линии фронта среди некоторой части германских солдат и даже офицеров стали возникать панические настроения. Тем не менее овладение немецкими укрепленными пунктами нередко происходило лишь после жестоких кровопролитных боев.

На северо-западных подступах к Москве с началом советского контрнаступления 1-я ударная, 16-я и 20-я армии нанесли 3-й ТГр сильные удары в районах Яхромы, Красной Поляны и Крюкова и начали теснить ее части. Дивизии 4-й ТГр были окончательно остановлены на линии, которая пересекает Ленинградское, Пятницкое и Волоколамское шоссе в 15–23 км от главного рубежа Московской зоны обороны, проходившего в районе современной Московской кольцевой автомобильной дороги. Командующий группой генерал-полковник Э. Гёпнер доложил фон Боку, что боевые силы его объединения быстро убывают, и он также вынужден начать отход.

Одновременно с ударами советских армий правого крыла Западного и левого крыла Калининского фронтов, южнее столицы 7 декабря перешла в наступление оперативная группа генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко (5-й кавкорпус, 1-я гвардейская сд, 129-я тбр и 34-я мотострелковая бригада), которая была сосредоточена в тылу Юго-Западного фронта. Главный удар пришелся по 95-й и 45-й пд 2-й армии генерала танковых войск Р. Шмидта. Силы немецкой армии оказались рассечены на две части. Настоящий кризис возник в районе г. Ливны. 7 декабря Р. Шмидт сообщал в штаб ГА “Центр”: “На будущее инициатива наступления переходит в руки противника, который получает свободу действий в переброске и сосредоточении сил”¹⁰⁰.

Вскоре к наступлению группы Ф.Я. Костенко присоединились уже более крупные силы советского Юго-Западного фронта – 3-я и 13-я армии, что не позволило германскому командованию беспрепятственно отвести войска немецкого 34-го ак¹⁰¹. Оборона 2-й армии не выдержала натиска советских частей. Создалась угроза глубокого оперативного прорыва Красной Армии на курском и орловском направлениях и связанная с этим опасность нарушения важнейших коммуникаций и путей отхода 2-й ТА. В свою очередь, соединениям 2-й ТА, атакованным ударными силами 10-й советской армии генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова и оперативной группы генерал-майора П.А. Белова пришлось уже 7 декабря 1941 г. оставить г. Михайлов и начать отход от Тулы¹⁰².

Уже 6 декабря 1941 г. штаб ГА “Центр” отдал приказ на отход части сил 3-й и 4-й ТГр на новый рубеж. Для рытья окопов и постройки дотов у р. Истра срочно перебрасывались саперы. Отступая, германские войска оставляли за собой выжженную пустыню. В приказе командира дивизии СС “Райх” от 8 декабря 1941 г., в частности, говорилось: “7) Все войсковые части, расположенные в населенных пунктах восточнее Истры, являются ответственными за то, чтобы места расквартирования [противника] были бы сожжены без остатка. Для каждого дома должны быть приготовлены пучки соломы и бутылки с бензином. Все дома должны быть подожжены в 7.00, 9 декабря. Надо следить за тем, чтобы зарево от пожаров не привлекло бы внимание противника”¹⁰³. Подобные приказы стали в то время обычным явлением для германской армии. Так же действовали и части вермахта.

Темпы советского наступления нарастали. 11 декабря советские граждане, наконец, услышали из фронтовых сводок то, о чем мечтали, на что надеялись, и что считали неизбежным. Просто это событие по ряду неблагоприятных причин отсрочивалось. В сводке Совинформбюро за этот день сообщалось “О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы”:

¹⁰⁰ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 118, л. 120.

¹⁰¹ Там же, л. 68.

¹⁰² Рейнгардт К. Указ. соч., с. 249.

¹⁰³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 380, л. 72.

“6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери”¹⁰⁴.

РАЗВИТИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

После 8 декабря 1941 г. германское командование окончательно убедилось, что советское наступление от стен Москвы грозит крупнейшим с начала войны поражением немецкой армии. Штаб ГА “Центр” чрезвычайно беспокоился, что войска Красной Армии имеют цель охватить соединения 3-й ТГр и для этого развивают свой успех в направлении Клина¹⁰⁵. В районе этого города развернулись сильные бои.

Немцы оказывали упорное сопротивление наступающим силам 1-й ударной и 30-й армиям Западного фронта на подступах к Клину. Город был узлом, который связывал между собой соединения 3-й ТГр, а всю эту группу с тылом ГА “Центр”. Выход советских частей к Клину создавал серьезную угрозу флангового удара по всем немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Терять город фон Бок не желал, в то время, как Жуков стремился как можно скорее овладеть им. Соединения 30-й армии Западного фронта охватили Клин с северо-запада, севера и востока, а 1-й ударной армии с юго-востока. Чтобы обеспечить отвод главных сил 3-й и 4-й ТГр на рубеж Волоколамск – Руза немецкое командование продолжало цепляться за каждый рубеж. Темпы наступления 30-й и 1-й ударной советских армий в этот момент несколько снизились. С другой стороны, переброска в этот район немецких частей облегчила наступательные действия другим войскам правого крыла Западного фронта (16-й и 20-й армий), которые наносили удары по врагу на солнечногорском и истринском направлениях¹⁰⁶. 12 декабря 1941 г. советские войска освободили города Солнечногорск и Истра. Фронт подошел вплотную к Истринскому водохранилищу.

Гитлер признал, наконец, что наступление на Москву в 1941 г. окончательно сорвалось, и 8 декабря 1941 г. дал принципиальное согласие на отход войск на новые тыловые рубежи. Однако он потребовал их предварительно подготовить: “отрыть стрелковые окопы, установить печи в землянках” и т.п.¹⁰⁷ В директиве фюрера говорилось о необходимости “прекращении всех крупных наступательных операций”. Но признавать крах всего плана по разгрому СССР Гитлер не желал. По его мнению, Германия вступала теперь в новый этап борьбы. Решающие сражения за переустройство всего мира только начинались. 7 декабря японские самолеты разбомбили американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе. Война де-факто превратилась в глобальный конфликт. Вступление Америки в войну, по расчетам Гитлера, должно было придать новый импульс боевым действиям на Восточном фронте, правда, теперь уже в следующем году. Решение на переход к обороне Гитлер обусловил необходимостью удержания важных в оперативном и военно-хозяйственном отношении районов противника; предоставлением отдыха войскам и их пополнением; и, главное, созданием предпосылок для нового наступления на Востоке. Предусматривались также передислокация сил из различных районов Германии и оккупированных западных стран на советско-германский фронт, замена солдат старших возрастов на более младших, сокращение штатов военных миссий в союзных странах, мобилизация рабочих, имевших бронь, и замена их пленными. Главному командованию сухопутных войск поручалось теперь определить районы для создания новых оборонительных позиций¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Сообщения Советского Информбюро, т. I. М., 1944, с. 407–409.

¹⁰⁵ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 539, л. 96–97.

¹⁰⁶ См.: *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел. – Рубежи ратной славы Отечества. М., 1996. с. 23.

¹⁰⁷ См.: там же.

¹⁰⁸ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 7, л. 50–54.

Советские войска продвигались вперед с тяжелыми боями. Враг был еще очень силен. На отдельных участках наступление частей РККА могло быть стремительным, но за многие населенные пункты шли затяжные кровопролитные бои. На разгром немецких частей в районах поселков Красная Поляна, Крюково, Ленино советские войска затратили 3–4 суток, у Клина – 6, у Наро-Фоминска – 9, у Калинина – 12 суток. В течение 5 суток шли тяжелые бои на рубеже Истринского водохранилища и р. Истры, где немцы, взорвав плотину, сосредоточили два корпуса и пытались сорвать наступления 16-й армии К.К. Рокоссовского. И только когда Рокоссовский организовал две подвижные группы для наступления в обход водохранилища и осуществил смелый маневр, немцы осознали угрозу окружения. Германские соединения получили приказ быстро отходить на линию рек Лама и Руза. К 15 декабря подвижные группы 16-й армии совместно со 2-м гвардейским кавкорпусом генерала Л.М. Доватора, добившись желаемого результата, начали преследование противника¹⁰⁹. Теперь германскому командованию приходилось срочно создавать оборону на ружском рубеже. Здесь за счет сокращения линии фронта и подхода резервов из Германии немцы вдвое увеличили оперативную плотность своей группировки и создали прочную оборону¹¹⁰.

Тем не менее советские командиры и бойцы все больше ощущали уверенность в своих силах. Наступление Красной Армии проводилось на широком фронте, и прорывы немецкой обороны следовали один за другим. Г.К. Жуков специальной директивой от 9 декабря 1941 г. предписал всем командующим армиями категорически запретить ведение фронтальных атак. Он приказал шире применять обходы, а для этого формировать ударные группы, которые во вражеском тылу должны были уничтожать склады, артиллерийскую тягу и т.п. Предусматривалось атаковать немцев днем и ночью, обеспечивая войскам защиту от возможных контрударов противника¹¹¹.

Общий же приказ применять обходные маневры при наступлении, не задерживаться перед укрепленными районами врага был разослан командующим фронтами и отдельными армиями еще утром 8 декабря 1941 г. В документе за подписью начальника Генштаба Б.М. Шапошникова говорилось: “При встрече с опорными пунктами противника оставлять на их фронте небольшие заслоны, а всеми силами стремительно развивать наступление на флангах, стыках и в промежутках его боевых порядков. Непрерывно, днем и ночью вести разведку... Решительные и быстрые действия войск при наступлении должны сломить сопротивление противника,... вызвать беспорядочный отход его частей и обеспечить наиболее полный разгром врага”¹¹².

Однако применять против оборонявшихся немцев обход, блокировать его укрепленные пункты, одновременно продвигаясь как можно быстрее вперед, стремились на тот момент многие военачальники, и в первую очередь командующие на фронте. Если говорить о первенстве в указании не бить врага в лоб, то оно принадлежит всё же Г.К. Жукову. Именно он еще в ночь с 7-го на 8-е декабря послал из своего штаба радиogramму генерал-майору П.А. Белову следующего содержания: “Если Вы хотите отличаться и иметь богатые трофеи, не жмите с фронта, а придерживая, обходите быстрее противника юго-восточнее Венев; и не бойтесь смелых обходов, так как левее Вас действует армия Голикова, которая завтра будет подходить к Сталиногорску”¹¹³. Итог известен. В результате смелых действий частей генерала Белова и других советских командующих многие соединения противника оказались под угрозой окружения. Их отступление ускорилося и часто происходило беспорядочно. В районе южнее и юго-восточнее Тулы советские войска смогли захватить действительно богатые трофеи.

На южном фланге ГА “Центр” отход немецких дивизий местами стал превращаться в бегство. Оборона 2-й ТА Гудериана не выдержала натиска 1 гвардейского кав-

¹⁰⁹ См.: *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел, с. 25.

¹¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 380, л. 82.

¹¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 201.

¹¹² ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2524, д. 1, л. 304.

¹¹³ Там же, д. 20, л. 30.

корпуса генерала П.А. Белова. 11 декабря вслед за кавалерийскими частями в прорыв были введены свежие советские силы.

К середине декабря Западный, Калининский и Юго-Западный фронты достигли линии, с которой войска ГА “Центр” начали свое ноябрьское наступление на Москву, а местами и продвинулись еще дальше на запад. Столь быстрое советское наступление грозило крахом всего фронта группы фон Бока. Кризис группы армий, нарастал. Для предотвращения катастрофы немецкое командование решило готовить новые тыловые рубежи и объединить командование войсками соседних объединений под началом одного военачальника. 12 декабря 1941 г. приказ о переходе к обороне был отдан командованием 9-й армии. В документе намечалось широко использовать при строительстве укреплений местное население. Подчеркивалось, что «впереди позиций на глубину до 20 км необходимо подготовить создание “полной пустыни”. В этой зоне русские не должны найти ни одного жилого дома, ни одного сарая, ни одного пучка соломы, ни одного домашнего животного и ни одной картофелины. Для этого в более поздний период должны быть сожжены все поселения до последней избы»¹¹⁴. Отметим, что этот приказ подготовлен офицерами вермахта. Их отношение к мирному населению, по сути, было таким же, как у эсэсовцев. Тысячи советских крестьян обрекались на голод и холод, грозившие быстрой смертью.

В августе 1941 г., под Ельней, немецким войскам уже приходилось срочно создавать оборонительные позиции, которые помогли им некоторое время сдерживать удары советской 24-й армии. Сильной стороной германских пехотных подразделений было умение быстро окапываться и создавать эффективные препятствия на пути продвижения противника. Однако теперь, зимой 1941 г., частям вермахта приходилось иметь дело с ледяным застывшим грунтом, работа с которым требовала большего времени.

Войска советских 30-й и 1-й ударной армий продолжали теснить северный фланг ГА “Центр”. 15 декабря был взят Клин. Его освобождение решило судьбу Калинина. 16 декабря в этот город вошли войска И.С. Конева¹¹⁵. Угроза охвата немецких 9-й армии и 3-й ТГр еще более возросла. Жуков не намеревался давать врагу передышки и позволить закрепиться на промежуточном рубеже. 16 декабря генерал-полковник Э. Гёпнер под давлением обстоятельств распорядился отвести подчиненные ему силы далее на запад¹¹⁶.

На южном фланге ГА “Центр” еще 9 декабря части Красной Армии освободили Елец, а 12 декабря войска Юго-Западного фронта (13-я армия и оперативная группа Костенко) смогли частично окружить елецкую группировку немцев. 14 декабря в контрнаступление включилась еще одна советская армия – 49-я. Войска Юго-Западного фронта (командующий до 18 декабря 1941 г. маршал С.К. Тимошенко) сумели почти полностью разгромить немецкий 34-й ак (2-я армия). 21 декабря немецкому командованию пришлось отдать приказ о его расформировании. Успешное взаимодействие войск левого фланга Западного и правого фланга Юго-Западного фронтов позволило им за десять дней боев отбросить 2-ю ТГр на 80–100 км и нанести серьезное поражение 2-й немецкой армии. Фон Бок решил возложить руководство операциями на этом участке целиком на Гудериана. 12 декабря 1941 г. 2-я армия и 2-я ТГр временно объединялись в “армейскую группу Гудериана”. Ей ставилась задача “остановить прорвавшегося противника на линии: район восточнее Курска – район Новосиль – район Алексина”¹¹⁷.

Новое объединение немецких сил произошло 15 декабря 1941 г., когда войска 4-й ТГр, с приданной ей 3-й ТГр вошли в подчинение 9-й армии¹¹⁸. Производились и дру-

¹¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 119, л. 106–111.

¹¹⁵ См.: *Невзоров Б.И.* Москва: враг не прошел, с. 25.

¹¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 118, л. 71.

¹¹⁷ Там же, д. 525, л. 140.

¹¹⁸ Там же, д. 525, л. 136.

гие изменения в составе группы армий, во многом, вследствие быстро тающей боеспособности механизированных соединений. Танковые дивизии понесли значительные потери в людях и, особенно, в материальной части и не могли теперь рассматриваться как эффективные боевые единицы. Однако ни Гудериан, ни Клюге, ни Штраус не имели шансов быстро исправить ситуацию в полосе своей обороны. Для противодействия советскому контрнаступлению требовались более серьезные решения.

16 декабря 1941 г. от командования 2-й ТА пришло донесение, что «артиллерия 4-й тд состоит всего из трех легких и двух тяжелых батарей. 3 тд требуется немедленно несколько дней отдыха. 4 тд вынуждена была в Веневе взорвать 14 танков из-за отсутствия запасных частей. Танковая армия располагает еще распределенными по фронту около 40 танками, – говорилось далее, – но применение которых из-за условий погоды и местности в высшей степени ограничено». В тот же день советские части вклинились в оборону 4-й армии противника на фронте р. Ока и Протва, и продолжили преследование дивизий 4-й ТГр, которые, по немецким донесениям, были «переутомлены, истощены и из-за отсутствия горючего принуждены были бросить большую часть своего тяжелого оружия и материальной части»¹¹⁹.

В середине декабря фронт ГА «Центр» находился на грани развала. Преследование германских частей советскими соединениями не давало возможности немецкому командованию создать прочную оборону. Вывод утомленных частей из боя грозил стать неконтролируемым процессом с потерей взаимодействия между соединениями.

16 декабря 1941 г. в ситуацию вмешался сам Гитлер. Он отдал приказ, запрещающий крупномасштабный отход – документ, известный также под названием «Держаться». Он требовал фанатически упорного сопротивления. Любое отступление могло производиться только с санкции вышестоящего начальства. Одновременно, приказом предусматривалась переброска на фронт с Запада маршевых батальонов¹²⁰.

В ночь на 17 декабря в соединения 2-й, 4-й, 9-й армий и 2-й танковой армии ушла телеграмма фон Бока с приказом о мерах по повышению стойкости войск: «Только там, где противник будет встречать ожесточенное сопротивление, – говорилось в ней, – он будет вынужден отказаться от новых попыток прорыва. Отступлением его к этому не побудить... Никто не может быть снят с передовой. Подкрепление в ближайшее время не ожидается. Действительности нужно смотреть в глаза»¹²¹.

Однако этот приказ не спас фон Бока от отставки. Гитлер уже решил, кого из «провинившихся» генералов он уберет. 18 декабря, фон Бок передал свои полномочия новому командующему группой фельдмаршалу Г. фон Клюге. Гитлер заменил на своем посту и командующего сухопутными войсками фон Браухича, который, по его мнению, был более не способен действовать в кризисной ситуации. Спустя три дня, 19 декабря, Гитлер официально возложил на себя обязанности командующего сухопутными войсками Германии. 20 и 21 декабря 1941 г. новый командующий ГА «Центр» получил еще два приказа, содержащие требования проявлять фанатическую волю в защите территорий¹²². Гитлер подчеркивал: «Территория, с которой наши войска будут вынуждены отступить, должна попасть в руки противника непригодной для использования. Каждый населенный пункт должен быть сожжен и разрушен, чтобы противник был лишен мест расквартирования»¹²³.

Гитлер считал необходимым лично руководить действиями сухопутных войск, устранив Браухича как промежуточную инстанцию между ним и фронтовым командованием. Анализ положения на советско-германском фронте зимой 1941/42 г. показывает, что приказ «Держаться» был, видимо, единственно приемлемым для германской армии решением в тех условиях. Предотвратить панику и избежать того, что произошло

¹¹⁹ Там же, д. 156, л. 215, 220, 224–226, 228, 229.

¹²⁰ Там же, д. 7, л. 55–57.

¹²¹ Цит. по: Битва за столицу. Сборник документов, т. 1, с. 180–181.

¹²² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 578, л. 38.

¹²³ Там же, л. 22, 25.

с наполеоновской армией в 1812 г., возможно было только чрезвычайными мерами. Но, казалось бы, единственно верное решение в отдаленной перспективе вело к росту недоверия не только к командованию на фронте, но и к высшему руководству, узурпировавшему былые прерогативы военачальников. В донесениях генералов с фронта в штаб ГА “Центр” чувствовалось разочарование по поводу слишком жесткого подхода сверху к управлению войсками. Впервые с начала войны в полной мере дал о себе знать кризис доверия полевых командиров к начальникам, сидевшим в глубоком тылу, с одной стороны, и простых солдат к своим офицерам – с другой. Отрицательное восприятие этого приказа значительной частью военнослужащих вермахта указывает на то, что дух и дисциплина германской армии были поколеблены. Восстановить их на прежнем уровне ни Гитлеру, ни его генералам уже никогда не удалось.

Во второй половине декабря 1941 г. нажим советских войск на ГА “Центр” продолжал усиливаться. С полной силой это проявилось на участках юго-западнее Калинина, в районе Рузы и западнее дороги Тула – Серпухов. 20 декабря обострилось положение на фронте 2-й танковой армии. Боевая мощь ее отдельных дивизий, согласно донесениям командующего, могла сравниться теперь только с усиленным пехотным полком. Критической оставалась ситуация и на участке 4-й ТГр. Ее штаб констатировал: “В некоторых местах противнику удалось отрезать пути ее отступления”¹²⁴. Командующий 4-й ТГр генерал-полковник Э. Гёпнер в телеграмме от 21 декабря 1941 г. выразил очень отрицательное отношение к приказам вышестоящего командования, которые мешали, с его точки зрения, руководству войсками¹²⁵.

Сразу исправить ситуацию на фронте приказ “Держаться”, понятно, не мог, однако он повлиял на ожесточенность немецкого сопротивления. Это видно на примере боев за город Волоколамск, к которому в середине декабря подошли соединения 16-й армии Рокоссовского. Еще ранним утром 18 декабря в штаб армии поступило распоряжение Жукова, который торопился с захватом города, имевшего важное значение для дальнейшего развития наступления. В нем говорилось: “Ставка поручила лично Вам не позже 12 часов 18 декабря 1941 г. захватить г. Волоколамск силами группы Катюкова и группы Ремизова. После захвата Волоколамска приказать Ремизову захватить Суворова и войти в подчинение командарма один Кузнецова, которому и сообщить свое местонахождение... О захвате Волоколамска донести мне и Ставке не позже 16.00 18 декабря. Жуков”¹²⁶.

Приказ следовало выполнять, однако прорвать сходу немецкую оборону Рокоссовский не смог. Бои за город продолжались еще два дня, и он был освобожден частями 16-й и 20-й армий (командующий генерал-лейтенант А.А. Власов) при содействии 1-й ударной армии (генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) Западного фронта только 20 декабря 1941 г. В этот же день войска 1-й ударной армии вышли к р. Ламе, но попытки сходу развить успех, достигнутый в ходе Клинско-Солнечногорской операции, не удалась, бои здесь приняли затяжной характер. Противник сумел создать на этом участке систему укреплений, вырыть окопы полного профиля и, опираясь на опорные пункты сдерживать натиск наших войск. О тяжелых боях за окрестные деревни, когда схватки разгорались за каждый дом или подвал, говорилось в донесении по итогам боев конца декабря 1941 г. на имя Жукова командующего 20-й армией А.А. Власова. Однако в этом документе тот лишь констатировал усилившееся сопротивление врага и рост потерь своей армии, не предлагая, по сути, никаких мер к подавлению вражеской обороны. Жуков, выразив недоумение таким донесением, предложил его переделать¹²⁷.

На других участках Западного фронта, используя образовавшиеся в немецкой обороне бреши, части советских 39-й, 29-й, 10-й, 49-й армий и 1-го гвардейского

¹²⁴ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 156, л. 334–335.

¹²⁵ Там же, д. 525, л. 123.

¹²⁶ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2524, д. 20, л. 110–111.

¹²⁷ Там же, л. 161–162.

кавкорпуса сумели продвинуться далее на запад на десятки километров. Вскоре обо-значился успех в полосе 33-й и 43-й армий. Причем здесь советским соединениям приходилось порой просто вгрызаться в немецкую оборону, – враг успел создать на подступах к Наро-Фоминску и Боровску разветвленную систему укреплений. Тем не менее 26 декабря 33-я армия генерала М.Г. Ефремова освободила Наро-Фоминск, а 4 января – Боровск, в то время как 43-я армия генерала К.Д. Голубева 28 декабря заняла Балабаново, а 2 января выбила противника из Малоярославца. Южнее быстрыми темпами наступала на Калугу подвижная группа 50-й армии, тогда как с фланга город охватывал 1-й гвардейский кавкорпус, вышедший к Одоеву. Бои за Калугу, в которую советские воины ворвались уже 21 декабря, затянулись до 30 декабря, когда город был освобожден. Такое упорное сопротивление немцев вынуждало советское командование корректировать свои замыслы, отказываться от слишком самонадеянных планов захвата того или иного пункта к определенному сроку. Показателен в этой связи эпизод с освобождением Балабаново. Жуков в телеграмме генералу К.Д. Голубеву (43-я армия) от 20 декабря, с литерой “только лично”, просил последнего захватить станцию уже к 21 декабря “к дню рождения Сталина”. Голубев ответил, что готов принять все меры для “выполнения указания Военного Совета фронта”¹²⁸. Но, как уже отмечалось, Балабаново немцы оставили лишь через неделю – 28 декабря.

Тем временем прорыв 1-го гвардейского кавкорпуса и 10-й армии угрожал взятием в кольцо крупных сил 2-й ТА и 2-й армии. Именно в это время британский министр иностранных дел А. Иден, прибывший в Москву на переговоры со Сталиным, совершил ознакомительный визит на один из участков советско-германского фронта. Ему показали огромные колонны брошенных немцами автомашин, бронетранспортеров и танков. Англичанин был поражен масштабами разгрома вермахта, которому не приходилось с начала Второй мировой войны терпеть таких поражений. Безусловно, впечатления Идена от увиденного под Москвой оказали большое влияние на выработку правительством Великобритании дальнейшей политики военной помощи Советскому Союзу.

О моральном эффекте от вида брошенной вражеской техники и его влиянии на граждан страны говорилось в телеграмме члена ГКО Н.А. Булганина от 16 декабря 1941 г. Находясь на недавно освобожденной территории в районе Яхромы, он сообщал Сталину и Жукову: “Количество разбитых средних и больших немецких танков, бронемашин и автовездеходов на дорогах, лесных просеках и в лесах... превосходит все наши представления. Местность производит впечатление настоящего разгрома бронетанковых частей фашистов. Проезжая попутно видел лично не менее 60 разбитых танков и еще большее количество большегрузных автовездеходов... Считаю очень полезным обязать наши киноорганизации заснять картину этого разгрома фашистов”¹²⁹. Советские кинооператоры действительно засняли кадры, запечатлевшие момент поражения ГА “Центр”, и вскоре на экранах кинотеатров страны (23 февраля 1942 г.) появился документальный фильм Л. Варламова и И. Копалина, работа над которым началась еще в дни обороны столицы – “Разгром немецких войск под Москвой”. Фильм имел огромную популярность не только в СССР, но и в союзных ему государствах. В США он вышел под названием “Moscow Strikes Back” (“Москва наносит ответный удар”) и получил премию “Оскар”.

ГА “Центр” несла большие потери, но продолжала ожесточенно обороняться. Высшее военное руководство Германии, понимая неизбежность дальнейших жертв, неуклонно требовало удержания позиций. 24 декабря 1941 г. Гитлер запретил дальнейший отход 2-й ТА и распорядился, чтобы о нем поставили в известность Гудериана. Он настаивал на “чрезвычайном напряжении всех сил”, но не указывал, на какие подкрепления можно при этом рассчитывать¹³⁰. Гудериан не имел права ослушаться приказа

¹²⁸ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2524, д. 20, л. 124–124 об.

¹²⁹ Там же, л. 62.

¹³⁰ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 525, л. 111.

Гитлера, но возможностей для его исполнения не имел. Поздним вечером 24 декабря он разрешил отвести назад 47-й моторизованный корпус и оставить населенный пункт Чернь, а 25 декабря подал прошение об освобождении от должности, которое и было немедленно удовлетворено. Его обязанности стал исполнять генерал танковых войск Р. Шмидт¹³¹.

23 декабря соединения 4-й армии генерала Л. Кюблера, сменившего фон Клюге, дрогнули под натиском советской 49-й армии, наступавшей на Малоярославец, а также 33-й и 43-й армий на наро-фоминском и боровском направлениях. Однако здесь фюрер все же позволил 24 декабря отвести на запад правый фланг и центр 4-й армии “для устранения угрозы тылу”¹³². 26 декабря советские войска освободили Наро-Фоминск.

ЗАВЕРШЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ ПОД МОСКВОЙ

20 декабря 1941 г. Ставка ВГК отдала приказ войскам Калининского фронта о переходе в наступление 39-й (командующий генерал-лейтенант И.И. Масленников) и соседних с ней армий. Начало наступления намечалось на 22 декабря¹³³. 30-я и 31-я армии Калининского фронта наносили удар на Старицу с востока, а 22-я и 29-я армии с севера. Целью советского командования было выйти в тыл германским соединениям, оборонявшимся против Калининского фронта и разгромить 9-ю армию и 3-ю ТГр. Войска И.С. Конева, занимавшие выгодное (охватывающее) положение по отношению к ГА “Центр” теперь могли использовать это обстоятельство при наступлении и создать угрозу немецкой группировке, расположенной северо-западнее Москвы. Участок обороны 9-й немецкой армии стал в конце декабря 1941 – в начале января 1942 г., когда советские 39-я и 31-я армии подошли к Ржеву и Зубцову, одним из самых напряженных. Наше командование намеревалось совершить здесь решительный прорыв и продвинуться на многие десятки километров вперед. С этой целью Конев приказал усилить натиск.

29 декабря 1941 г. штаб ГА “Центр” доносил, что “на фронте 9 А противник продолжал ожесточенные атаки, против всех корпусов армии, атакуя в отдельных местах до 12 раз подряд. Северо-западнее Старица советские войска, ведя наступление силами не менее 4-х дивизий, осуществили главный прорыв”¹³⁴. Командующий ГА “Центр” фон Клюге пока ничего не мог противопоставить успешным действиям советских войска. Группа армий получила в декабре пополнения в составе маршевых рот и батальонов – всего 40,8 тыс. чел., тогда как ее потери составили 103,6 тыс. чел.¹³⁵ Кризис нарастал, и германское командование стремилось сократить протяженность линии фронта, чего можно было добиться только путем отхода. Несмотря на то, что меры в этом направлении предпринимались, линия фронта оставалась непостоянной. Ее ширина то сокращалась, то вновь увеличивалась по мере продвижения вперед сил РККА. Жуков и Конев продолжали операции своих фронтов, добиваясь новых прорывов обороны врага и его окружения.

К юго-западу от Москвы советские 49-я и 50-я армии продвинулись на запад и северо-запад в направлении Калуги. В результате 2-я ТА с подчиненной 2-й армией и правый фланг 4-й армии не смогли удержать оборону и также как 9-я армия стали откатываться назад. 21 декабря советские части уже ворвались на окраины этого старинного русского города (окончательно Калуга была освобождена 30 декабря). Советский удар образовал брешь между 2-й танковой и 4-й полевой армиями. После того, как 31 декабря войска южного крыла Западного фронта начали наступление на Сухиничи,

¹³¹ Рейнгарт К. Указ. соч., с. 275.

¹³² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 525, л. 112.

¹³³ Битва за столицу. Сборник документов, т. 1, с. 172.

¹³⁴ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 156, л. 472.

¹³⁵ Рейнгарт К. Указ. соч., с. 279.

брешь между внутренними флангами 2-й ТА и 4-й полевой армией расширилась. Сухиничи были атакованы с востока и с юга, тем временем 1-й гвардейский кавкорпус продвинулся в направлении Юхнова¹³⁶.

По мнению немецкого историка К. Рейнгардта, войскам 2-й полевой и 2-й танковой армий просто повезло, что советское командование осуществило прорыв в северо-западном направлении на Калугу, а не на Орел, так как Орел в то время был совершенно не подготовлен к обороне. Его взятие Красной Армией означало бы безусловный разгром немецких армий¹³⁷.

Это мнение спорно. Остается вопросом, смогли ли бы советские войска прорваться в то время к Орлу. Ко всему прочему, войскам 10-й и 50-й советских армий необходимо было двигаться для этого в сторону от направления основных ударов Западного фронта, т.е. по расходящимся направлениям, что угрожало бы их флангам. Вновь образованный 18 декабря 1941 г. Брянский фронт достаточных сил для взятия Орла не имел. Однако очевидно другое – немецкое командование сильно опасалось такого развития событий. Из его документов видно, что в конце декабря 1941 – начале января 1942 г. кризис на этом участке немецкой обороны мог послужить причиной для более глубокого отступления германских соединений, предопределить отход сил правого фланга ГА “Центр” за линию, с которой они начали свое октябрьское наступление на Москву. Так, 28 декабря 1941 г. командование 2-й армии в донесении в штаб группы армий подчеркивало, что “от того, будет ли удержан рубеж Курск – Орел полностью зависит ее судьба”. Сообщалось также, что в результате морозов ниже 25°C из строя вышло значительное количество транспортных средств. “Условия погоды, – отмечалось далее, – бьют также и по русским, но, однако, по ним они бьют не так сильно, как по нам, так как русские более подвижны в зимних условиях”. Командование 2-й армии констатировало, что “немцы не имеют хорошего зимнего обмундирования, а русские солдаты, у которых условия расквартирования значительно хуже, лучше переносят холода”¹³⁸.

Относительно подвижности советских войск на тот период и их большей приспособленности к зимним условиям немцы были правы. В Красной Армии в широких масштабах началось тогда создание специальных лыжных батальонов, приданных различным фронтовым соединениям. Их подготовленные бойцы могли совершать многокилометровые марши, обходя заслоны противника и нападая на него с тылу. Вновь прибывавшие на передовую дивизии и части Действующей армии как правило заблаговременно получали необходимую теплую амуницию – валенки, душегрейки, тулупы, варежки и т.п. Случаи задержки подвоза были, что осложняло действия советских войск, но в сравнении с бедственным положением солдат вермахта, которые имели зачастую лишь легкие шинели и вынуждены были утепляться за счет реквизиций (по сути, грабежа) у местного населения, части РККА выглядели по-настоящему подготовленными к зиме.

Хуже в Красной Армии обстояло дело с подвозом боеприпасов, поступлением на фронт новой техники, ее ремонтом, что не замедлило сказаться на темпах советского продвижения вперед. С развитием советского наступления появились и перебои с довольствием, что сказывалось на физическом и моральном состоянии бойцов РККА.

С отступлением на значительное расстояние 2-й армии фон Клюге согласиться не мог – это поставило бы под удар остальные соединения его группы. 1 января 1942 г. 2-я немецкая армия получила директиву, в которой указывалось, что “все командные инстанции должны уяснить себе, что дальнейший отход сильно ухудшит положение и состояние войск. Поэтому такой приказ будет отдаваться армией только в случае крайней необходимости”¹³⁹.

¹³⁶ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 156, л. 515, 519.

¹³⁷ Рейнгардт К. Указ. соч., с. 283.

¹³⁸ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 134, л. 70–71, 75–79.

¹³⁹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 134, л. 60–61.

В ходе последующих боевых действий 2-я немецкая армия смогла постепенно оправиться от потрясений. Не испытывая в дальнейшем сильного нажима советских частей, она смогла совершить перегруппировку и оборудовать оборонительные позиции восточнее линии Орел – Курск. Центр боевой активности сторон к юго-западу от Москвы сместился в район Сухиничей. Отметим, что в это время советское командование не сумело использовать первоначальный успех 10-й армии и 1 гвардейского кавкорпуса на стыке немецких 4-й полевой и 2-й танковой армий. Тому были объективные причины: части РККА, продвинулись на большое расстояние и начали испытывать недостаток в боеприпасах, продовольствии, пополнении. Известно, что на конец 1941 – начало 1942 г. военное производство в СССР достигло низшей точки. Эвакуированные заводы только начинали давать продукцию на новом месте. Количество снарядов приходившихся на орудие в день, зачастую не превышало одного-двух¹⁴⁰. И это в период наступления!

В свою очередь, 2-я ТА, используя силы 208-й и 211-й пд, переброшенных с запада повела атаки с целью деблокады немецких войск, оставшихся в Сухиничах. Добавим также, что в соответствии с замыслом Ставки ВГК, главные усилия на южном фланге Западного фронта должны были быть сосредоточены в полосе 43-й, 49-й и 50-й армий. Им предстояло наступать через Юхнов на Вязьму, в северо-западном направлении – на соединение с войсками Калининского фронта. В этом отношении, Орловско-Курское направление для советского командования становилось второстепенным. Брянский фронт, как уже отмечалось, не был достаточно сильным, чтобы сломить сопротивление противника.

На других участках фронта ГА “Центр” положение немецких соединений в начале января 1942 г. кардинально не улучшилось. Войска Западного и Калининского фронтов, при содействии Северо-Западного и Брянского фронтов, выполняя указания Ставки ВГК от 7 января 1942 г., нанесли удары с целью окружения и последующего уничтожения основных сил группы Клюге. Началась Ржевско-Вяземская операция Красной Армии. Общий замысел советского командования сводился к тому, чтобы замкнуть кольцо вокруг основных сил ГА “Центр” под Вязьмой, расколоть и уничтожить ее войска.

В первых числах нового 1942 г. успешные поначалу действия 39-й армии Калининского фронта способствовали отходу частей немецкого 6-го ак, действовавшего под Старницей. Советские войска устремились к Ржеву. Несмотря на то, что Гитлер настаивал на беспрекословном выполнении приказа “Держаться”, 39-й армии удалось продвинуться на юг западнее Ржева и создать угрозу захвата Сычевки. 9-я немецкая армия оказалась разделенной надвое; в тяжелом положении оказались и соединения 3-й ТА (3-я и 4-я ТГр 1 января 1942 г. были переименованы соответственно в 3-ю и 4-ю ТА)¹⁴¹.

Гитлер требовал немедленного “освобождения района Ржева”, что имело, по его мнению, решающее значение для всего фронта ГА “Центр”. Кроме того, продвижению советских соединений мешал глубокий снег. Тыловые службы советских объединений, в том числе 39-й армии, значительно отстали от передовых частей. Всё снабжение шло по дорогам, которые требовалось постоянно поддерживать в рабочем состоянии, очищая от снега.

Обстановка, сложившаяся на фронте западнее Москвы на рубеже 1941–1942 гг., быстро менялась, прорывы немецкой обороны постоянно множились. Вопрос о том, в чью пользу склонится чаша весов в противоборстве на фронте ГА “Центр” (особенно на ее северном фланге), сводился к тому, за кем останутся линии транспортных сообщений. Контролируя узлы железных и автомобильных дорог, немецкое командование имело возможность снабжать войска припасами, производить маневр войсками. Иногда ситуация складывалась таким образом, что отдельные советские соединения от-

¹⁴⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 2002, с. 51.

¹⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 525, л. 101.

рывались от главных сил Красной Армии и сами оказывались в полукольце или даже полном окружении. Тогда им приходилось вести упорную борьбу в кольце германских частей и прорываться навстречу основному фронту. Положение, в которое попали соединения 29-й, 39-й, 33-й армий в январе – феврале 1942 г., отражает противоречивый характер боевых действий в битве под Москвой в период советского наступления. Однако в начале 1942 г. в Кремле верили, что удары РККА будут только нарастать, а сломленного врага ждет судьба “Великой армии” Наполеона в 1812 г.

В начале 1942 г. Красная Армия продолжала наносить удары по противнику. 7 января контрнаступление под Москвой переросло в наступление на всем советско-германском фронте. На совещании в Кремле в начале января прошло совещание по поводу планов Красной Армии в 1942 г. Были высказаны различные точки зрения. Сталин настаивал на ударах по врагу на различных участках. Жуков был против такого решения. Он предлагал вначале завершить наступление против ГА “Центр”, а на флангах занять пока прочную оборону. Но Жуков оказался в меньшинстве. Ему пришлось смириться с переводом 1-й ударной армии из состава Западного фронта в район Демянска, его же войска оказались ослаблены. Мощь их ударов постепенно теряла силу. Дело осложнялось еще и тем, что советское командование, переоценив свои успехи, решило сходу провести масштабную операцию по окружению и разгрому всей ГА “Центр”. Выполняя директивы Ставки, Калининский, левое крыло Западного и правое крыло Брянского фронтов повели наступление на ржевском, юхновском, сухиничском направлениях, стремясь замкнуть кольцо по линии Ржев – Вязьма. Операция получила название Ржевско-Вяземской. Для содействия продвижению ударных советских сил в тыл врага в район Вязьмы и Дорогобужа выбрасывались части 4-го воздушно-десантного корпуса.

В середине января 1942 г. многим советским военачальникам казалось, что еще одно небольшое усилие, и враг дрогнет и побежит. Его паника будет означать и его окончательную гибель. Советские соединения, направлявшиеся в глубокий прорыв по тылам противника, должны были захватить ключевые пункты еще до того, как немцы смогут организовать их прочную оборону. Явно не хватало людских и материальных резервов, необходимого опыта, чтобы завершить окружение врага. Немцы стали получать крупные подкрепления из Западной Европы. Они стали вводиться в бой как раз в тот момент, когда последовал долгожданный приказ Гитлера от 15 января 1942 г. на отход основной части ГА “Центр” на заранее подготовленные тыловые позиции. На отдельных участках германское отступление сопровождалось сильными контрударами по флангам прорвавшихся советских соединений, и они сами оказались отрезанными от главных сил. Судьба их была незавидной. 90% личного состава лишилась 29-я армия Калининского фронта; оказалась в окружении и почти вся погибла в апреле 1942 г. юго-восточнее Вязьмы ударная группа 33-й армии Западного фронта. Ее командующий, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, до конца оставался со своими подчиненными, хотя за ним и присылали самолет. Будучи ранен, он предпочел смерть плену. Расчеты на то, что враг уже не сможет прийти в себя, оказались ошибочными.

Но теперь немецким солдатам и генералам противостояли уже не те, кто были перед ним в начале войны. Победа в битве под Москвой воодушевила советских бойцов. Они видели, что враг силен, но всё же его можно бить. С декабря 1941 по апрель 1942 г. советские части отбросили вермахт от столицы на 150–350 км, вынудив командование ГА “Центр” держать широкий фронт обороны, уязвимый во многих местах.

Битва под Москвой продолжалась в общей сложности 203 дня и ночи на огромном пространстве, примерно равном территории Франции. С обеих сторон в ней участвовало около 7 млн. чел. Общие безвозвратные потери советских войск в сражениях на ближних и дальних подступах к столице составили 926 тыс. чел., немцев – 615 тыс. чел. Никогда прежде вермахт не терял столько людей, уже имевших за плечами богатый боевой опыт. Полноценной замены им у Германии не было. Поэтому широко разрекламированное ставкой Гитлера новое весеннее наступление на Восточном фронте

в 1942 г. так и не состоялось. Гитлер пришел к выводу, что после того, как германские войска приведут себя в порядок, возможно будет нанести удар только на одном стратегическом направлении – южном. Для продолжения войны Германии срочно требовалась нефть Кавказа и пшеница Ставрополя и Кубани. Взять Москву – стратегическую цель всей кампании – оказалось Гитлеру не по силам.

ЗНАЧЕНИЕ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Битва под Москвой имела огромные последствия для дальнейшего хода как Великой Отечественной, так и всей Второй мировой войны. Решающим моментом стал тот факт, что Германии не удалось осуществить свой блицкриг. Важнейший в экономическом отношении центральный регион Европейской России остался в наших руках. Это, в свою очередь, дало возможность провести мобилизацию ресурсов для продолжения войны. СССР выиграл время для усиления в восточных районах страны своей военно-промышленной базы. Большинство советских людей окончательно уверились в том, что враг не сможет поставить их на колени и борьба еще только начинается.

Переход советских войск в наступление зимой 1941–1942 гг. развеял миф о непобедимости вермахта. Правящие круги Японии, а также Турции заняли более осторожную позицию в отношении возможного нападения на СССР. В оккупированных Германией европейских государствах – Франции, Югославии, Греции, Польше и других – активизировалось движение Сопротивления. Значительно изменились отношения Великобритании и США к тем усилиям, которые прилагал Советский Союз, сражаясь с агрессором.

7 декабря 1941 г., спустя два дня после начала советского контрнаступления под Москвой, в войну вступили США. Эта страна с ее мощнейшим промышленным потенциалом и значительными людскими ресурсами окончательно становилась теперь союзником Советского Союза. 1 января 1942 г. представители СССР, США, Великобритании, Канады и других стран подписали в Вашингтоне Декларацию 26 государств, где заявили о своей решимости одержать полную победу над странами “оси” – Германией, Японией и Италией. Теперь, в начале 1942 г., несмотря на развернувшиеся кровопролитные сражения в бассейне Тихого океана, важной задачей англо-американского командования стала подготовка к открытию второго фронта в Европе. Действия Красной Армии на советско-германском фронте играли в этой подготовке ключевую роль, так как не просто оттягивали большую часть немецких сил с Запада, но и перемалывали их в ожесточенных боях.

Некоторые отечественные историки считают битву под Москвой началом коренного перелома в Великой Отечественной войне. Действительно, врагу был нанесен удар такой силы, что ему пришлось сначала отступить, а затем перейти к стратегической обороне. Крах блицкрига означал и переход к затяжной войне, к которой Германия ни политически, ни экономически, ни морально не была готова. Летом 1942 г. немецкие войска сумели вновь нанести Красной Армии тяжелые поражения на различных участках: под Ленинградом, Харьковом, в Крыму, на подступах к Сталинграду. Но Советский Союз располагал к тому времени достаточными резервами, чтобы сдержать врага и окончательно склонить чашу весов в свою пользу.